

18+

Горос

10:34

Часть II

Горос

10:34. Часть II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70915399

ISBN 9785006427549

Аннотация

Продолжение романа «10:34», рассказывающего о противостоянии общества вампиров и секты религиозных фанатиков – охотников на чудовищ.

Содержание

ИСТОРИЯ ШУТА	5
ИСТОРИЯ МАРТЫ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	94

10:34

Часть II

Горос

© Горос, 2024

ISBN 978-5-0064-2754-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0064-2752-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИСТОРИЯ ШУТА

Каково рассуждать о смысле жизни, сидя в подвале? Согласитесь, совершенно не то, что развалившись на диване! А если подвал и есть теперь вся твоя жизнь?

В светлом шаре плафона бился мотылек. По потолку металась его увеличенная в тысячи раз чудовищная тень. Раскаленная лампа жгла крылья, невидимые стенки крепко держали в пылающем плену. Что ты там делаешь? Твоя стихия – тьма!.. Да, тьма, но ты не можешь иначе, ведь рожден с мечтой о свете! А теперь этот свет медленно убивает тебя, чтобы очередное обугленное тельце упало туда, где чернеет пятно из останков тысяч тех, кто сгорел до тебя...

Я дотянулся до лампы, приподнял плафон. Мотылек выпорхнул и растворился во мраке. Но едва плафон вернулся на место, тот снова ударился о яркий шар, ища путь внутрь.

«Хочешь гореть? Гори!» – зло подумал я и отвернулся. Мой взгляд уперся в потолок. Тот напомнил карту причудливого острова: посреди серо-бетонного моря чернело окаймленное ржавой береговой линией пятно, поросшее темно-зеленым лесом мохнатой плесени. Время от времени посреди этого острова набухала капля и срывалась в простирающуюся у моих ног коричневую лужу, и по подвалу разносился пещерный всплеск.

Поверхность грязной лужи – отвратительное зеркало,

но и оно не смогло солгать. «Во что я превратился?» – думал, рассматривая свое дрожащее в воде отражение. Волосы свисали на лоб русыми сосульками, голод ввалил щеки, а из-за бессонницы под глазами надулись мешки. Разве тут за-снешь?! На когда-то белой футболке красовался черно-рыжий сюрреализм. Я закусил губу, чтобы не разрыдаться.

Сидя на ящике в грязном подвале, я все больше осознавал, что и завтра будет ящик, и завтра подвал. Теперь всегда будет так! Нет выхода! Есть выход из подвала. Но, как обычно, на время...

Взгляд снова скользнул туда, где в конце лабиринта бетонных перегородок сиял маленький прямоугольник окошка. Солнце все еще тянуло оттуда щупальца-лучи, висящие во мраке пыльными столбами. Но, к счастью, уже смеркалось.

Мое одиночество нарушила возникшая из темноты женщина.

– Развели тут бомжатник, – проворчала она, бросив на меня презрительный взгляд, и принялась ковырять ключом в замке кладовки. – Шел бы ты отсюда, пока милицию не вызвала!

Я спрыгнул с ящика, и ноги понесли меня к выходу.

Мотылек забрался в плафон и сгорел...

Безумный от голода и злой на судьбу, я выбрался в город. Холодная пасть подвала дала пинка на волю, прикрепив напоследок запах тухлятины и сырости. Женщина бы-

ла права – выглядел я не краше бомжа. Да стоило заглянуть в глаза прохожих: в них отражалась вся моя долгая ночь. Люди глядели на меня с таким превосходством и презрением, что я сам невольно сторонился. Они же готовы были перебежать на другой конец улицы, лишь бы не пройти рядом со мной. Лишь толпы подростков, наоборот, специально шли навстречу. Они даже могли протянуть руку, правда, сжатую в кулак. Хотя кулак тут ни при чем, ведь такие, как я, – разминка для ног.

Заметив, что группа парней идет следом, я перешел на другую сторону дороги. Те перешли тоже. Трое средних габаритов с кровожадными ухмылками на пьяных физиономиях. Я прибавил шаг, оглядываясь в тени, а за ближайшим углом рванул со всех ног. Остановился, пробежав несколько кварталов. Оторвался. Что дальше?

Я стоял, словно на арене, посреди опустевшей с приходом сумерек детской площадки. Запертая со всех сторон пятиэтажками, она походила на огромную коробку с крышкой из звездного неба. Дома вокруг насмеялись надо мной желтыми квадратами окон. Особенно раздражали те, в которых будто специально забыли прикрыть шторы. В них люди демонстрировали сюжеты повседневной жизни: садились ужинать, ложились спать, воспитывали детей, поучая какими не надо быть... «Не будьте, дети, такими, как тот дядя, что заглядывает по ночам в людские окна!» Окна людей!

Прикинув, куда пойти, понял, что некуда. А осмотрев-

шлись по сторонам, увидел свое будущее – темную пасть подвала. Холодным ветром налетел довольно рано остывший сентябрь. Ветер насквозь пробил футболку. Живот пробурчал, напомнив о завтрашнем дне. «Сегодня уж как-нибудь протяну. Главное, чтобы не ноги...»

– Молодой человек, можно с вами познакомиться?

Я вздрогнул, обернулся. Взгляд скользнул по стоявшей на краю детской площадки девушке. Перехватив его, та ответила какой-то натянуто-злой улыбкой.

– Нет. – Я спрыгнул с качелей, на которые едва присел, и поспешил прочь.

– Почему? – Она догнала меня. – Только не говори, что у тебя есть девушка и все такое... Она же тебе по-любому наскучила. А я, может быть, хочу отдохнуть от своего парня.

– У меня нет никого!

– Да ну? Такой симпатичный – и одинок? Никогда не поверю...

– А вот так! – Я остановился и посмотрел на нее в упор. – У меня вообще никого нет! Понятно?

Опять в ответ та же злобная улыбка. Девчонка будто подражала киношным злодеям. Я отметил также, что улыбка эта весьма гармонирует с ее внешностью: в орнаменте длинных черных волос ее лицо выглядело поразительно белым, настолько, что вспомнились бледные дамы эпохи корсетов. Правда, те не красили губы черным и не подводили так сильно глаза. Впрочем, подобный макияж придавал чертам де-

вушки какую-то дьявольскую привлекательность. Было ясно, что она всячески подчеркивает этот мрачный имидж. Вся одежда – черная: водолазка, закрывающая шею до подбородка, тонкие ноги обтягивают джинсы с аккуратно прорезанными дырочками, длинное, почти до самой земли осеннее пальтишко не застегнуто, демонстрируя поблескивающий на груди кулон – какой-то древнеегипетский знак. Дополняли все это проклепанный широкий пояс, такой же колючий напульсник на запястье и несколько серебристых перстней на пальцах с выкрашенными черным лаком ногтями. В принципе в ее возрасте подобный эпатаж нормален – даже в полумраке я оценил ее лет на шестнадцать-семнадцать. Хотя, возможно, она выглядела так молодо из-за роста, ведь ее макушка едва достигала моего подбородка.

– Меня Марта зовут, – представилась она и прибавила печально: – И, если честно, у меня теперь тоже никого нет.

Повисла пауза, во время которой я напряженно думал о том, быть может, сама судьба дает мне шанс. Единственный шанс вспомнить природные инстинкты. Надо же как-то жить дальше!..

– Проводишь меня? – самоуверенно спросила девушка.

Я кивнул, и мы пошли в безразличном для меня направлении.

Город вокруг сверкал фейерверком: окна многоэтажек, витрины, машины, фонари... В детстве у меня в альбоме хранилось фото ночного города, сделанное с самолета. Я еще

тогда подумал, что современные люди способны конкурировать с небом. Если взглянуть с высоты, их ночная вселенная усыпана миллионами разноцветных звезд, деревеньки и поселки образуют созвездия, фонари трасс и железных дорог рассекают мрак подобно Млечному Пути, а в центрах галактик-городов сияют настоящие неоновые туманности... В моем альбоме это была единственная ночная фотография. Я редко восхищался ночью. На остальных снимках был только день, день, день...

Мысли о детстве вернули меня в настоящее. Я вспомнил, как выгляжу, и снова навалилась депрессия. Марта это заметила.

– Тебя как зовут? – По мне скользил ее внимательный изучающий взгляд.

– Шут, – подумав, ответил я.

– Странное имя.

– Это не имя. Это – судьба!

– А есть у тебя нормальное, человеческое имя? – Снова эта злобная усмешка.

– Нет. – Разговор начал меня бесить. – Теперь нет.

– Шут так Шут... – Марта пожала плечами.

Свернув с центральной улицы в переулок, мы погрузились во мрак. Асфальт сменился разбитой грунтовкой. Вместо многоэтажек теперь по обе стороны лишенной освещения дороги тянулись черные силуэты небольших домиков. В темноте небо обрело какой-то не городской объем, заси-

яло тысячами огней, словно кто-то большой и невидимый вдруг подбросил на небо несколько звездных горстей. Этакий провал из города в глубинку. Мне стало легче, даже дышалось теперь свободнее. Может, оттого что всю жизнь я прожил в небольшом поселке? Хотя, скорее всего, потому, что тьма скрыла мой непотребный вид. Жаль, что запаху темнота не помеха: от меня несло, как от помойки.

У одной из калиток Марта остановилась.

– Здесь я живу, – сообщила она. – Спасибо, что составил компанию.

И снова повисла пауза, заставившая меня вспомнить, кто я такой.

«Лучшего момента просто придумать нельзя! – упрекнул я себя. – Ну, давай, решайся!» Взгляд скользнул по сторонам – никого! Сердце бешено забилося. Я ощутил себя маньяком, который вот-вот совершит преступление, и от этого решимость окончательно покинула меня. «Схватить ее и, разорвав водолазку, впиться зубами в артерию?.. Так бывает только в кино! А как на самом деле?» Такой исход казался по меньшей мере глупым. «Да и где искать-то ее, эту самую артерию?..»

– Ты так смотришь... – нарушила молчание Марта. – У меня аж кровь стынет.

При слове «кровь» меня пробил озноб. Марта, видимо, это заметила.

– Прохладно-то как. Слушай, а может, ко мне зайдем, чаю

попьем? Кстати, я одна живу...

Предложение ввело меня еще в больший ступор. Судьба словно толкала: «Давай же, действуй!» – а я стоял и ломался, как девочка во время первого свидания. Марта между тем мне начала даже нравиться, и я уже с трудом представлял, как смогу ее укусить.

– И что-то комары-кровопийцы кусаются, – словно нарочно, сказала она, звонко хлопнув ладошкой по выглядывающей из-под ворота водолазки шее. Там осталось бордовое пятнышко, как от укула.

Я наконец решился и сделал к ней осторожный шаг. Марта не шелохнулась, лишь продолжала улыбаться, глядя мне в глаза. Я несколько неуверенно провел ладонью по ее волосам, наклонился, освобождая от ткани шею. Ноздри защекотал сладковатый запах духов, кровь застучала в висках.

«Ну, давай же! Давай!..»

Я облизал пересохшие губы, соображая, куда именно нужно кусать... И вдруг Марта прильнула ко мне, обвила руками мою шею и, став на носочки, прошептала в ухо:

– Шут, я знаю, кто ты!..

Домик за калиткой оказался настолько крохотным, что больше походил на летнюю кухню. У забора я заметил будку, но собаки там не оказалось. Мы прошли к крыльцу по выложенной кирпичом дорожке мимо закрытого ставнями единственного окна. Марта нащупала лампочку, повернула, зажегся тусклый свет.

– Проходи, не стесняйся, – сказала она, сняв огромный навесной замок и распахнув дверь.

Я шагнул в заваленные всякой всячиной сенца. Марта задержалась на улице: обвела подозрительным взглядом чернеющие на фоне неба кусты, погасила свет и лишь после этого вошла в дом.

Внутри ее жилище оказалось даже меньше, чем представлялось снаружи. В нем была одна-единственная комната, разделенная пополам русской печкой, почему-то выкрашенной в черный цвет. В одной половине комнаты от стены до стены раскинулась заправленная бордовым бархатным покрывалом кровать, в другой – у окна пристроился заваленный посудой стол, покрытый темно-коричневой скатертью. Вообще, из светлых вещей в доме оказался только холодильник. Черные шторы, черные обои, черная мебель, даже черная посуда. И ни одного зеркала! На стенах с плакатов скалились монстры: по большей части люди, изображающие вампиров. Марта явно старалась на них быть похожей.

– Холодильник хозяйский, – заявила Марта так, словно извинялась за его белизну. – Это съемная хата. Но скоро и отсюда придется сваливать.

Она села на табуретку, и на мне остановился пристальный взгляд – как-то исподлобья, на манер тех монстров с плакатов.

– Приятно повстречать себе подобного, когда тебя повсюду окружают лишь эти ничтожные существа, годные быть

только пищей, – сказала она. – Увы, одиночество – судьба вампира!

Я робко присел на краешек кровати.

«Себе подобного, – мелькнуло в голове. – Знать бы, кто я на самом деле...»

– Как ты узнала, что я... – Я не смог подобрать слово.

Термин «вампир» меня всегда бесил.

– Что ты один из нас? – закончила за меня Марта. – Мы всегда узнаем друг друга среди этого стада, называемого человечеством. Зов крови! Понимаешь? Нет, конечно, обычные люди видят в тебе простого парня... Но мы-то не люди! Видел бы ты себя со стороны, сам бы понял. Слушай, у тебя что-то вид такой... Да ты же голоден!

Я взглянул на нее с надеждой. Ведь я действительно не ел четверо суток.

– Но искать сейчас жертву...

– А есть хотя бы хлеб?

– Хлеб?! – удивилась Марта. Потом пожала плечами и с сомнением открыла холодильник. – Нет, хлеба не держим. Зато тут у хозяйки огурцы консервированные были. Будешь?

Я заметил на нижней полке пакет с морковью.

– Можно?

Вытащив одну морковку, я плеснул на нее водой из ковшика и откусил. Марта наблюдала за мной с явным удивлением.

– Когда долго нет крови, помогает, – не прекращая жевать, ответил я на ее растерянный взгляд. – Если честно, я никогда даже не пробовал человеческую кровь. Мама всегда говорила, что делать людям больно – плохо.

– Сразу видно, новичок, – с сочувствием покачала головой девушка.

– Я не новичок. Я таким родился.

– Ты таким... что?! – В глазах Марты возникли одновременно удивление и интерес.

– Я таким был всегда. Сколько себя помню. У меня была семья, куча братьев. Жили мы в Красновке – это поселок недалеко отсюда...

Воспоминание о доме сдавило сердце. Я почувствовал, что голос мой наполнила горечь, и отвернулся, чтобы Марта не увидела слез.

– Но как такое может быть? – пораженно пробормотала она. – Я знаю, что укус вампира превращает человека...

– Я тоже. Читал. Был период, когда хотел понять, кто же я такой. Хоть мама и пыталась убедить меня, что я просто неизлечимо болен, а в остальном не отличаюсь от других людей. Может, отчасти она была права?.. Когда я спрашивал: «Мама, почему же все дразнят меня кровососом?» – она отвечала, что давным-давно, когда я только родился, один человек сказал глупость. Это был очень, очень плохой человек.

– Расскажи!

– Да что рассказывать-то...

«Родился я в середине мая. Об этом дне я знаю лишь из рассказов братьев да матери. Говорят, отец устроил настоящий пир в мою честь. Посреди двора был накрыт длинный стол, но даже на нем не вмещалось огромное количество закуски и выпивки. Наш двор никогда не принимал столько гостей, как в тот раз, ведь отец, узнав, что у него родился я, был вне себя от счастья и созвал едва ли не весь поселок. Народу было столько, что стулья, посуду и закуску пришлось собирать с окрестных домов.

Поселок гулял, сыпал тостами в мою честь. Время от времени кто-нибудь да обязательно говорил, что, мол, Любане (так зовут мою маму) пора бы дочерей рожать, а она все сыновей да сыновей.

И вдруг подсаживается к моему отцу старик по фамилии Гулов и говорит:

– Ну, Петро, у тебя прям вурдалак родился!

– Ты че, дед, несешь? – обиделся тот.

– Да это я так, что-то вспомнилось... – Старик засмеялся и махнул рукой. – В народе ведь как говорят: «Седьмой сын у седьмого сына может родиться вурдалаком»... Ты ж тоже седьмым и младшеньким был?

Отец, конечно, тут же вспыхнул. Треснул кулаком по столу:

– Дед, тебя позвали? Выпить-закусить дали? Так вот сиди и молчи!

– Что ты, в самом-то деле? – сказала старику Гулову наша соседка тетя Надя. – У человека праздник, а ты тут со своими

упырями-вурдалаками.

– Ладно, пойду я. – Гулов обижено поднялся. – Наливай на посошок!

Вот так из-за одной фразы на долгие годы была испорчена жизнь целой семье. Мама со мной еще лежала в больнице, а среди местных жителей уже расползся слух, что у Петра Савелова родился вампир. Сама понимаешь – поселок! Хуже испорченного телефона.

Ну а потом как назло нас не выписали из роддома. Мама пережила очень тяжелые роды, да и я родился очень болезненным и слабым. Врачи даже признались: в какой-то момент во время родов они решили, что я умер – просто перестал дышать. Но спустя секунды я вдруг снова заорал. Сказали, мол, в рубашке родился...

В первый же день у меня обнаружили болезнь. Моя кожа во многих местах оказалась неестественно красной, как будто обожженной. Врачи поначалу решили, что это просто аллергия. Но оказалось, что это реакция на ультрафиолет. То есть мне противопоказано было находиться под прямыми солнечными лучами. Каким образом об этом прознали люди – непонятно, но спустя пару дней по поселку уже болтали, что Любкин вампир боится света!

Нас все-таки выписали из больницы, так и не решив, как меня лечить. Просто поставили на учет и на всякий случай прописали кучу мазей. Каково же было удивление моей мамы, когда в родном поселке все знакомые встреча-

ли нас не поздравлениями, а нескрываемым любопытством и усмешками. Как оказалось, все эти дни обиженный дед Гулов подливал масла в огонь, рассказывая каждому встречному новые небылицы о вурдалаках. А когда отец пригрозил ему, еще и написал заявление в милицию, мол, Петр Савелов завел дома вампира, обещает натравить, так что следует принять меры. Над заявлением, конечно, лишь посмеялись, но в поселке «упыри» были главной темой разговоров.

– Избавились бы от него, пока не поздно, – сказала как-то, повстречав мою мать, тетя Вера Груздева, что жила на соседней улице. – Вон в детдом бы отдали, пусть с ним государство и нянчится.

У мамы аж слезы хлынули градом.

– Какой детдом? Что вы все прицепились к нашей семье? Оставьте вы нас в покое! У меня нормальный ребенок!

Однажды мама пожаловалась соседке тете Наде и, рыдая, обнажила грудь. Соски у нее оказались опухшими, с множеством ранок.

– Ой, нашла чего реветь, – махнула та рукой. – Мой Ванюха знаешь как хватал? Я аж на стенку лезла!

– Но у него уже зубки есть! – не переставала рыдать мама.

– Да ну, откуда? Мал он еще.

Тетя Надя наклонилась над кроваткой и заглянула мне в рот.

– Слушай, правда! А как такое может быть?

– Не знаю. Я это еще в больнице заметила.

Тетя Надя потом со слезами клялась, что никому об этом не рассказывала. Только мужу... В общем, сплетникам это – как дрова печи. Больше, видимо, в моей вампирской сущности никто не сомневался. На нашу семью стали смотреть в основном искоса, а некоторые и вовсе побаивались. Меня, понимаешь?! Я в те дни еще барахтался в пеленках, но люди поговаривали: «Ничего, вот подрастет, он себя еще покажет!»

– Это вас Бог покарал! – сказала как-то маме все та же тетка Верка. – Твой вон разворовал ползавода... А Господь-то, он все видит! Дети ответственны за грехи родителей!

Мама лишь промолчала. У нее уже не было сил спорить. Ей просто стало невыносимо горько. Ее Петр, то есть мой отец, всю жизнь честно проработал на одном и том же предприятии. И даже когда у завода настали черные дни и многие бросились на заработки, он остался. Говорил: «Завод нас столько лет кормил, а теперь я в трудную минуту его предам?» Да мама сама хороша. Однажды устроила ему скандал: «Семья голодает, детей куча, на заводе твоём ни черта не платят, а ты даже гвоздя унести не можешь. Другие вон тащат и живут!» Уж чего стоило отцу на такое решиться, но он все-таки попытался вынести и продать какой-то списанный двигатель. Попался еще на территории завода. Так он с тех пор себе зарок дал: лучше с голоду умереть, но жить честно. Несмотря на это, ему ту неудачную кражу долгие годы припоминали, причем даже те, кто сам воровал и до сих пор

ворует, но не попадает.

– Ишь ты как заговорила – «Бог покарал!» – вступилась за маму тетя Надя. – Тебя он что-то не карает! Своих бы детей лучше воспитывала, чем других обсуждать. Один сын в тюрьме, а второй – наркоман конченный, из милиции не вылезает.

– Вовка не наркоман! – тут же всполошилась тетя Вера. – Было дело, попробовал разок... Но он бросил! А Сереженьку ни за что посадили. Его подставили!

У соседки на щеках заблестели слезы:

– Конечно, давайте, насмехайтесь над чужим горем!

– Ой, прости, Верунь, – принялась успокаивать ее тетя Надя. – Извини, сорвалось.

Обиды моей мамы мгновенно поблекли на фоне этих слез. Но тетя Вера, несмотря на извинения, повернулась и гордо ушла, словно не она первая начала оскорблять чужих детей.

– Слушай, Любань, а может, на вас просто порчу кто-то наслал? – сказала маме тетя Надя. – Доброжелателей-то вона сколько! Ты бы своего Ромку к бабке сводила. Говорят, баба Маня лечит.

Баба Маня жила в небольшом домике неподалеку от нашего. Ее одиночество скрашивали две кошки, которые, догадываясь, что они любимицы, свободно разгуливали даже по кухонному столу. По хозяйству старушке частенько помогали соседи – в надежде, что после смерти одинокая бабулька отблагодарит их, оставив в наследство трудолюбивым

помощникам свою хибару. Баба Маня помирать не торопилась, зато соседской заботой пользовалась по полной – с ее огорода те не вылезали.

Мама пошла к местной знахарке одна, без меня. Баба Маня в тот момент сидела на крыльце и возилась со своими кошками. Она отщипывала от хлеба маленькие кусочки, обмазывала их сливочным маслом и протягивала своим любимицам. Те делали недовольные морды и с неохотой ели.

– Вот наглые. Только с рук и едят! – приговаривала их хозяйка.

– Здравствуйте, баб Мань, – окликнула ее мама.

– Здравствуй, Люба, – ответила та, мгновенно насупившись и не поднимая глаз. Это и понятно, если учесть репутацию нашей семьи.

Выслушав мамины объяснения и просьбы, баба Маня смерила ее немигающим взглядом и сказала:

– Твое дитя... Ты же его не крестила?

Мама покачала головой.

– Пока не окрестишь, лечить не буду! – вынесла старушка вердикт.

С тем мама и ушла.

Вопрос о крещении поставил маму в тупик. Дело в том, что, выслушивая все эти байки о вампирах, родители попросту побоялись нести меня в церковь. Кое-кто вообще ей сказал, что, если на меня плеснуть святой водой, я непременно вспыхну синим пламенем. Мама думала дня три, а потом ре-

шила: «Вспыхнет... Ну что за чушь? У меня нормальный ребенок! Больной, но нормальный!»

В ближайшее воскресенье, когда на улице оказалось достаточно пасмурно, мама накинула на голову платок, завернула меня в плащ и отправилась в церковь. Она понесла меня под хлеставшим дождем, искренне надеясь, что к моменту нашего возвращения не успеет выглянуть солнце.

На крыльце церкви мама перекрестилась и вошла внутрь. Но с самого порога она, словно на стену, натолкнулась на пристальные взгляды. Ей вдруг показалось, что все смотрят только на нее, даже те, кто молится и ставит свечи. Отец Алексей, громогласно читавший псалтырь, тоже на миг замолчал, бросив в нашу сторону настороженный недоброжелательный взгляд, но тут же продолжил как ни в чем не бывало. Вот плоды дурной славы!

– Гляди, гляди, – пронесся шепот под сводами храма. – Это ж надо? В храм-то Божий!..

В этот момент я вырвался из-под плаща и с испугом посмотрел по сторонам. Незнакомое место, куча чужих людей, да еще и все пялятся на меня... Конечно же, я начал орать и вырываться.

– Эко его, в святом-то месте! – краем уха услышала мама. И тут же, глотая слезы, выбежала на улицу.

На следующий день мама опять отправилась к бабе Мане. Но та категорично ответила:

– Окрестишь – приходи.

– Я же помощи прошу! Он же всего лишь ребенок! – рыдала мама.

Она беспомощно посмотрела по сторонам, и ее взгляд упал на висящую в красном углу икону, с которой печально взирал Иисус.

– Разве он вас не этому учит?

– Ты мне Господа сюда не трожь! – мгновенно завелась баба Маня. – Сама, небось, согрешила, вот тебя Бог-то и покарал!

Всю дорогу до дома мама рыдала.

– Ты свози его в Погорск, – посоветовала тетя Надя, когда мама рассказала о своем неудачном походе к знахарке. – Там, говорят, есть очень сильная бабка...

– Никуда я его больше не понесу, – ответила мама. – У меня нормальный ребенок! Больной, но нормальный! Если его болезни и есть какие-либо объяснения, то медицинские. И народные бредни тут ни при чем!

И слово мама сдержала. Больше мы по церквям и знахаркам не ходили...»

Марта слушала молча, опустив голову на ладони.

– Ну а кровь, – тихо спросила она. – Тебе же нужна была кровь?

– Да, у меня были проблемы с кровью, – ответил я. – В принципе маме сказали об этом еще в роддоме. Поначалу она давала мне тертую морковку, а потом, когда мне стало не хватать, попробовала поить свиной кровью. Помогло.

Полстакана в день – и все в порядке. За все эти годы другой крови я даже не пробовал.

– А что было дальше? Как ты жил с этим?

– Как жил?.. Нас тихо ненавидел весь поселок!

«...Как я уже говорил, дурная слава распространилась на всю нашу семью. В первую очередь она, конечно же, коснулась братьев. Если в деревне что-нибудь пропадало, милиционер тут же приходил к нам, хотя ни один из нас в жизни б никогда ничего не украл. С нами считалось дурно водиться. Братья стали держаться вместе, их тут же окрестили «шайкой». Наш дом старались обходить стороной, хотя никто из нас никогда мухи не обидел. А уж когда брат Сашка в школе дал сдачи одному хмырю, который прилюдно оскорблял нашу маму... Как ты думаешь, кого посчитали во всем виновным?

Однажды другой мой брат, Вовка, вернулся из школы с расквашенным носом. Мама спросила, что случилось. Тот ответил, что во дворе школы пацаны дразнили его «кровососом». Когда же он попытался дать сдачи, отлупили портфелями.

– Завтра отец сходит в школу и разберется, – сказала мама.

– Не надо, – Вовка поджал губы, силясь не заплакать. – Мама, я его ненавижу! Это из-за него у нас все так плохо!

– Что ты такое говоришь? Нельзя же так! – Мама обняла его. – Он же твой братик, вы же родненькие! Вы ж друг

за дружку должны...

У мамы на глаза навернулись слезы. А я стоял в тот момент за дверью и все слышал. Мне исполнилось уже шесть лет, и я все прекрасно понимал.

Даже когда старший брат Серега надумал жениться, не обошлось без меня. Сначала родители его подружки долго не давали согласия на брак, но потом все же согласились. Однако на свадьбе мамаша невесты поддала и давай речи «за жизнь» двигать. Сначала так, в общем, а потом дошла до родного крыльца: «Зарплата маленькая, картошка погнила, а тут еще молодые у нас жить собираются...»

– Галя! – цыкнул на нее муж.

А ту вообще понесло:

– Что Галя?! Ну что Галя?! На свадьбу в основном раскошелились мы, кафе нашли мы, машину – тоже!

– Ну, во-первых, кафе тебе дали от твоей базы, между прочим, бесплатно, – заметил муж. – Машину, кстати, тоже...

– Зато мы работали всю жизнь, – завелась та, – а не детей строгаи да льготы себе выбивали! А этим – мало им шестерых ртов было, так еще этого вампиреныша родили. Теперь уже и над нами вся деревня насмехается!

Тут она оглянулась и увидела побледневшее лицо стоявшей в дверях моей мамы. Галя тут же подорвалась:

– Ой, Любаш, прости!..

На самом деле братья понимали, что я ни в чем не вино-

ват, а просто не такой, как все. Они меня жалели и всячески поддерживали. Когда пришло время идти в школу, я, конечно же, по состоянию здоровья не пошел. Так братья сами взялись меня учить: таскали из школы учебники, научили читать и писать. В принципе, кроме как с братьями и родителями, я ни с кем больше не общался и других людей почти не видел. Лишь издалека, в окошко.

Но я вырослел. С каждым днем на меня все больше давили стены нашего жилища. Мне хотелось на волю. Я стал тайком выбираться из дома и убегать в лес, к озеру – благо наш дом стоял на самом краю поселка. Там я проводил ночи напролет. По поселку гулять боялся: сразу сказали бы, что хожу жертву выслеживаю. У озера же было в основном безлюдно, и я часами мог просиживать, глядя на сияющую звездами водную гладь. Там я наслаждался той малой долей свободы, что была мне позволена обществом.

И все-таки меня тянуло к людям. По телевизору постоянно показывали огромные сборища народа, и какая-то часть меня бунтовала, отказываясь мириться с мыслью, что все это – не для меня. Я все чаще захаживал вглубь поселка и украдкой наблюдал, как играют дети в песочнице, веселится молодежь, спешат домой с работы взрослые. Однако едва я подходил ближе, как все мгновенно менялось: дети в страхе разбегались, молодежь сжимала кулаки, а взрослые смотрели настороженно и враждебно.

И вот однажды случился вечер, который я запомнил

на всю жизнь.

Мне тогда было двенадцать. Как-то раз, проходя мимо поселкового Дома культуры, я увидел на крыльце множество людей. Почти все они были из нашего поселка, но среди них я разглядел также и неместных. Люди покурили, побросали с крыльца окурки и скрылись в дверях клуба. Но какая-то барышня задержалась и заметила меня. Она вдруг устремилась ко мне и едва не задушила в объятиях, хотя я видел ее впервые.

– Молодой человек, – воскликнула она, – я вижу, вы одиноки! Пойдемте со мной. Там вы обретете любовь и счастье!

И, прежде чем я успел возразить, барышня увлекла меня в клуб, попутно объясняя, что все они когда-то тоже скитались одинокие, без любви и веры, пока не обрели друг друга и еще кого-то, кто всех любит и любого готов принять.

В зале толпилось человек тридцать-сорок. Барышня тут же растворилась среди них, а я, так как на меня никто не обратил внимания, скромно встал у стены. Мне было жутко интересно, ведь я впервые оказался в обществе такого количества людей.

Все собравшиеся с умилением смотрели на сцену, по которой расхаживал бородатый мужчина в черной одежде. Он эмоционально рассказывал, что люди должны любить друг друга, говорил о терпимости и вере, сопровождая все это цитатами из Библии, и часто повторял «Аллилуйя!». Из разговоров я понял, что это – приехавший из Погорска проповед-

ник, которого все называли отцом Пейном.

Затем на сцену взошли молодые люди с инструментами. Они пели о любви, Боге, Иисусе и о том, что все присутствующие – братья и сестры и обязательно будут спасены. Люди в зале постоянно обнимались, улыбались друг другу и, подняв руки над головой, с сияющими лицами раскачивались в такт музыке. Я же в тот момент думал: как это, оказывается, здорово, когда среди людей есть любовь и понимание, а главное – сочувствие друг к другу!

Потом я заметил, что по залу понесли бархатный мешочек. Проповедник объяснил, что эти деньги не для него и не для Бога – у Бога и так все есть, а для кого – так и не сказал. Но люди все равно кидали в мешочек монеты и купюры. Когда мешочек поднесли ко мне, я невольно отступил к двери. Мне стало обидно, ведь и я хотел что-нибудь кинуть, но у меня ничего с собой не было.

– Следующая проповедь в субботу, – объявил в завершение отец Пейн. – Ее проведет новый член нашего Братства Света, ваш земляк, отец Тимофей. Ждем всех!

Я твердо решил, что обязательно приду. Сердце мое ликовало: неужели нашлись люди, готовые принять меня таким, какой я есть?

– А ты что тут делаешь?! – раздался совсем рядом строгий возглас.

Я оглянулся и увидел тетку Верку.

– Ах ты бесовское отродье! – завопила она. – Как смел ты

войти в этот храм Божий!

– Это же тот дьявольский отпрыск! – с усмешкой сказал кто-то.

В этот момент я встретился глазами с отцом Пейном. Его взгляд, еще мгновение назад полный вселенской любви, теперь пылал злобой и ненавистью.

Зал зашумел. И я убежал.

В ту ночь я сидел на берегу озера, и мне было до боли обидно. Я думал, почему все эти люди, бесконечно твердившие о любви и всеобщем братстве, обрушились на меня с такой ненавистью. Ведь я же им ничего плохого не сделал! Да и вообще, с каких это пор поселковый клуб стал храмом? Между прочим, в этом «храме Божьем» каждый вечер на дискотеках их же дети жрут водку и курят траву! Это ведь не смущает их любвеобильное братство!

– Эй, вампиреныш! – услышал я окрик. – Поди сюда!

Посмотрев по сторонам, я заметил рыбачивших неподалеку подростков. Один из них свистел мне и махал руками. «Даже здесь мне нет места», – подумал я и, поднявшись, собрался пойти домой. Не тут-то было! Позади раздался топот, и крепкая рука схватила меня за плечо.

– Ты что, не слышал, что тебе сказали?

Я попытался вырваться, но мальчишки уже обступили меня. Их было четверо, всем на вид лет по пятнадцать, и от них жутко разило перегаром.

– Че тут шарисься, а? Жертву себе ищешь? – хохота-

ли они.

– А давайте его святой водой напоим! Костик, тащи святую воду.

Названный Костиком сбегал куда-то и вернулся с бутылкой и стаканом. Мне под нос сунули вонючую жидкость.

– Пей! Пей, сука!..

Я прекрасно понимал, что это никакая не святая вода, а обычный паленый самогон. От его вони меня едва не выворачивало, и пить я, конечно же, не собирался, а лишь безнадежно закрывал лицо руками. При этом двое пытались разжать мне руки, а третий тыкал стаканом в лицо. Наконец, в очередной раз увернувшись, я задел локтем стакан, и тот, проливая «святую воду», полетел в траву.

– Вот козел, сэм разлил!

– Ах, ты святой водой разбрасываешься!.. А может, ты в Бога не веришь?! – дыхнул мне перегаром в лицо тот, кто уронил стакан. Он сунул руку себе за пазуху и достал крестик. – Целуй крест!

– Целуй, говорят! – подтолкнул меня его приятель, для убедительности звезданув в челюсть.

Не знаю, чем бы все это кончилось, но откуда ни возьмись появился мой старший брат Сашка с палкой в руках. Мои мучители бросились врассыпную.

– Ты как, цел? – спросил Сашка, все еще сжимая свое оружие. – Вовремя я! Пошли домой. Меня мамка послала, сказала тебя срочно найти.

Когда мы шли домой, я снова повстречал ту барышню, которая недавно затащила меня в клуб. Она сидела пьяная в дым в компании мужиков и кричала:

– Господь будет судить не за то, кто сколько пил или курил! Он судить будет тех, кто не впустил Бога в душу! Впустите в душу Господа нашего!..

И, распахнув объятия, она вешалась на своих собутыльников.

Дома мама рыдала на кухне. Когда я спросил, что случилось, она обняла меня, ткнулась лицом мне в плечо и сквозь слезы зашептала:

– Все будет хорошо, ненаглядный мой! Все будет хорошо!..

А когда вернулся с работы отец, она протянула ему записку.

– Взгляни. Нашла на пороге.

Отец читал долго. Я видел его лицо в тот момент – суровое, серое, словно камень. Дочитав, он просто разорвал письмо, швырнул обрывки в мусорное ведро и обнял маму:

– Чушь все это! Придурков в мире хватает...

Ночью, когда все уснули, я прокрался на кухню, достал из ведра ту горстку рваных бумажек и сложил их вместе. Суть письма оказалась такова: «Вы породили слугу Сатаны. Гореть вам всем в аду, коли сразу не избавились от этого монстра». Сопровождалось все это множеством ругательств, оскорблений и угроз. В конце стояла приписка: «Ну а ты,

дьявольский отпрыск, если читаешь эти строки, знай, что придет день, и я вобью осиновый кол в твое черное сердце!»

Именно после этого я начал читать книги. О вампирах. Пытался понять, кто же я на самом деле. В книгах было сказано, что вампиры не отбрасывают тень, не отражаются в зеркалах, не переносят запаха чеснока, превращаются в летучих мышей и обязательно должны закусать до смерти всех родственников. Не знаю, как там другие, но тень я отбрасывал, в зеркалах отражался, чеснок, кстати, тоже очень люблю, в превращения не верю, считая, что они бывают только в сказках, а вся моя родня жила себе цела и невредима. И все же я, как и чудовища из ужастиков, боялся дневного света и нуждался в крови. В общем, так и не разобравшись, кто же я на самом деле, решил, что так – ошибка природы. Природа создала меня на посмешище человечеству. Этакого шута.

Так я дожил до пятнадцати лет. К тому времени я окреп: уже мог постоять за себя и, что главное, научился не обращать внимания на усмешки. Меня стали еще больше бояться, даже самые задиристые из сверстников обходили теперь стороной. В лицо меня высмеивать больше никто не рисковал. Например, когда в клубе показали фильм «Дракула», никто не посмел даже глаза на меня поднять, не то что посмеяться. Конечно, я оставался одиноким, но меня это больше не беспокоило. Я привык и уже не искал ни любви, ни сочувствия.

Да только беды все равно не обходили нашу семью стороной. Умер отец. Он сильно болел в последние годы и в принципе сам знал, что долго не протянет. У него обнаружили рак. Ну и что ты думаешь: кто-то пустил слух по поселку, что это я его того... Понимаешь? Вырастил, говорили, на свою голову вампиреныша, вот и поплатился! И это все в довесок к тому, что после смерти отца вся наша жизнь превратилась в одну большую проблему. Мама устроилась на вторую работу и приходила домой, еле передвигая ноги. Вовке пришлось бросить техникум. Мы едва сводили концы с концами.

Именно тогда я начал подумывать, что пора бы оставить родных. Во-первых, я понимал, что это из-за меня в поселке так плохо относятся к нашей семье, а во-вторых, я не хотел быть обузой, лишним ртом, ведь на работу я устроиться не мог. Оставалось только решить, как куда и когда податься. Я ведь не мог просто взять и уйти из дома – первый же день убил бы меня. Но тут произошла история, которая решила мою дальнейшую судьбу.

Это случилось совсем недавно, нынешним летом, в конце июня. Я был на озере, когда туда пришла развеселая компания молодых людей и расположилась неподалеку от моего излюбленного места. Забренчала гитара, зазвенели рюмки. В принципе я довольно часто видел подобные ночные пикники, а потому, не обращая ни на кого внимания, погруженный в размышления, продолжал разглядывать небо в зеркальной воде.

– Привет.

Я вздрогнул, обернулся и замер не в силах проронить ни слова. На фоне желтого диска луны передо мной стояла фея. Светлые кудри ниспадали на обнаженные плечи, облегающее тонкую фигуру вечернее платье, перечеркнутое алой лентой с надписью «Выпускница», переливалось множеством звезд – так сверкает отраженное в озере звездное небо, когда по воде бежит легкая рябь. Ничего подобного я в жизни не видел!

– Можно присесть? – спросила фея.

– Конечно, – ответил я, несколько придя в себя.

Она опустилась рядом на траву.

– Мы тут выпускной отмечаем. – Голос феи лился, словно песня. – А я смотрю, ты сидишь тут такой одинокий, скучаешь.

– Я всегда один, – тихо сказал я.

– А ты, наверное, тот самый Рома Савелов, о котором говорят, что... – Она запнулась. – Извини.

– Ничего, я привык. – Сердце мое сжалось.

Потом мы долго сидели, болтая о всякой ерунде. Я краем глаза поглядывал на фею, восхищаясь каждой ее черточкой. Мало того, что это был первый посторонний человек, заговоривший со мной как с равным, так еще и такой восхитительный. Пожалуй, это была самая счастливая ночь в моей жизни.

– Тебе, наверное, так одиноко, – наконец задумчиво ска-

зала фея. – Все так плохо относятся к тебе. Но мне кажется, что ты обычный, нормальный человек. Просто немножечко другой.

– Ленка, где ты там? – прокричали из развеселой компании. – Мы уходим, ты с нами?..

– Ну, мне пора. – Фея встала. – Приятно было пообщаться. И послав мне пламенную улыбку, она побежала догонять друзей.

Я же откинулся на траву и сладостно зажмурился.

– Лена, – прошептал я. – Ее зовут Лена!

Ее улыбка все еще стояла у меня перед глазами.

С тех пор я потерял голову. Раньше я лишь слышал о подобных вещах, о том, что люди влюбляются, женятся, заводят семьи. Себе я, конечно же, подобного будущего не представлял. Но эта Лена не выходила у меня из головы. Я выяснил, что она живет на соседней улице. Конечно, на взаимность я рассчитывать не мог – и все же каждый вечер стал тайком просиживать у ее двора, а в выходные провожал до дискотеки и обратно – шел далеко позади, ждал, когда она будет возвращаться, и снова крался следом. Я старался быть незаметным, и, конечно же, меня заметили.

Как-то к нам пришел Семен Богданов, отец моей феи, и сказал, что, если я не оставлю его дочь в покое, он оторвет мне голову. Видимо, его никак не устраивали перспективы родства с вампиром. А позже мне удалось поговорить и с самой Леной. Она шла с подружкой на дискотеку и, заметив,

что я иду за ними, пошла мне навстречу.

– Рома, выслушай... – Она старалась говорить как можно мягче. – Ты очень хороший. Но пойми, у нас с тобой ничего не выйдет. К тому же у меня есть парень. Извини, конечно, но, пожалуйста, больше не ходи за мной.

Я и сам все прекрасно понимал, а потому решил прекратить свои тайные слежки. «Она права, – размышлял я. – У меня ведь все равно нет ни единого шанса. Даже если она ответит взаимностью, разве я могу создать нормальную семью?» Все, что мне оставалось, – и дальше долгими ночами просиживать на берегу озера, лишь в фантазиях рисуя для себя иную судьбу.

К чему привело мое безнадежное увлечение, мы узнали спустя пару недель после моего разговора с Леной. Однажды ночью у нас дома раздался звон разбитого стекла. Мама выскочила из постели и выбежала в зал. Посреди комнаты валялся кирпич, в окошке зияла дыра.

– Ну, я вам сейчас! – разозлилась она и, набросив на плечи платок, выбежала на улицу.

На крыльце она опешила. Сразу за калиткой шумела толпа. Маму тут же ослепили с десятков фонариков.

– Ты!.. – раздался женский крик.

И прежде чем мама успела что-либо понять, ей в волосы вцепились чьи-то руки. Когда от нее оттащили вопящую женщину, мама узнала в ней Катерину Богданову – мать той самой Лены.

Из толпы между тем вылетело еще несколько камней, и опять зазвенели наши стекла.

– Вон! Вон он!.. – раздался крик, и толпа куда-то устремилась.

Мама разглядела вдали за поляной светлую точку.

– Сережка! – вдруг догадалась она, вспомнив, что один из сыновей до сих пор не вернулся с дискотеки.

Глотая слезы, спотыкаясь в домашних тапочках, она помчалась через поле наперерез. Толпа между тем остановилась – догнали! Когда мама добежала, Сергей уже лежал, закрыв лицо руками, но его продолжали бить. Больше всех усердствовал отец моей феи, Семен Богданов.

– Она же девочка!.. Совсем ребенок была! – кричал он.

Люди уже начали его оттаскивать:

– Семен, успокойся! Это не тот!..

– Надо дом обыскать, – посоветовал кто-то. – Наверное, там прячется эта тварь!

– А я всегда говорила: породили на свет божий дьявола! – раздался в толпе голос тетки Верки. – Креста на них нет!

Вдруг толпа расступилась. Через поле бежал мой брат Сашка. В руках у него сверкал топор.

– Убью на хрен, кто сунется! – кричал он, размахивая своим оружием, защищая мать и избитого до полусмерти брата.

Подкатил белый «жигуленок». Из него выскочил майор Петров, начальник местной милиции, а за ним еще пара ребят в серой форме. Народ начал поспешно расходиться.

– Сынок, что же это? – рыдала мама, обняв едва живого Сережку. – За что нам такое горе?

– Говорят, дочку Богдановых у озера нашли, – рассказала подбежавшая тетя Надя. – Ее изнасиловали и убили. Они думают, что это Ромка!

И вдруг кто-то крикнул:

– Смотрите!

Народ ахнул. Небо вдали сияло, словно на закате. За поляной пылал наш дом!..

На рассвете вся наша семья сидела на остатках того, что удалось спасти из пожара. Подъехал все тот же «жигуленок». Из машины выбрался майор Петров, обвел взглядом черные руины нашего сгоревшего дотла жилища и, вздохнув, сказал:

– Разберемся, кто этот самосуд учинил. Заявление еще не писали?

Он взглянул на маму. Та молчала.

– Кстати, ни в чем ваши дети не виноваты, – продолжал майор. – Утром в отделение прибежала Катя, подружка убитой Лены Богдановой, и рассказала, что та вчера вечером ушла с дискотеки вместе с Сергеем Груздевым. Его уже задержали. Он во всем сознался.

«Сын тетки Верки! – догадался я. – Его ж совсем недавно выпустили из тюрьмы!..»

Меня пробил озноб, когда я представил этого мужичару – огромный, как шифоньер, мышцы размером с трехлитровые банки, вся грудь в куполах... И моя фея!..

Откуда ни возьмись появилась тетка Верка. Она ринулась на майора с криком:

– Сереженька не виноват! Его подставили!

Петров успел заскочить в машину и захлопнуть дверцу.

– Следствие разберется, – сказал он и надавил на газ.

– Не виноват! – голосила тетка Верка, пытаясь догнать машину. – Она сама, небось, шалава, задницей виляла! А он же так долго в тюрьме, без бабы!..

Между тем отовсюду тянулись люди. Несли кто одежду, кто посуду. Охали: «Вот беда-беда!» Говорили: «Любаня, прости!» А мама смотрела на эту кучу старых вещей, и в глазах ее не было слез. Видимо, выплакала все за эти годы. И вдруг она вскочила, тревожно посмотрела по сторонам.

– А где Рома? Рома! Ро-ма-шка!..

Но меня поблизости уже не было. И, наверное, не будет никогда...»

Я взглянул на Марту. Та сидела, опустив голову. По ее щекам текли черные слезы – потекла расплывшаяся тушь.

– И как ты теперь? – тихо спросила она.

– Четыре дня назад я приехал на попутках в Погорск. Думал, в городе такому, как я, будет легче выжить. Пока что, кроме подвалов для ночлега, ничего я тут не нашел. Вот тебя встретил...

Марта быстро взглянула на меня и опять потупила взгляд.

– Ну а дальше-то что?

– Дальше? – Я пожал плечами. – Не знаю. Наверное, опять

В подвал.

– Вот и я не знаю... – сказала она, размазывая мокрую тушь по щекам.

И вдруг она решительно встала.

– Уходи! – резко сказала она.

– Чего?

– Уходи! Быстро!

– Что случилось-то? – поразился я этой внезапной перемене.

– Ничего не спрашивай. Просто беги – и все!

Я стал быстро обуваться.

– Торопись же! – нервно толкнула меня Марта.

Снаружи хлопнула калитка. Марта вздрогнула, побледнев, прислушалась. На ее лице отразился ужас. Раздался торопливый стук в окно.

– Кто это? – спросил я.

– Тебе лучше не знать, – с ужасом пролепетала она. – Черт! Я же дверь забыла запереть!..

Однако кто-то уже быстро шел через сени. Распахнулась дверь, на пороге возник огромный лысый парень в черной кожаной куртке-косухе. Он окинул нас таким взглядом, будто комиссар перед раскулачкой, и уверенно прошел в комнату. Следом ввалились еще двое телосложением чуть помельче первого.

– Как вы смеете?.. – дрогнувшим голосом начала Марта.

– Заткнись! – перебил ее «комиссар».

Он подошел к окну, глянул в него и задвинул шторы, несмотря на то, что там и без того были закрыты ставни.

– Ценные вещи есть? – спросил он.

– У меня нет ничего, – более уверенным голосом ответила Марта. Видимо, она ожидала кого-то другого, нежели грабителей. – Я студентка...

– Дура ты! – перебил «комиссар». – Это ж надо так глупо попасться! Радуйтесь, что мы вас первыми нашли. Собирайтесь скорее, они уже вот-вот будут здесь.

– Кто?

– Кто-кто... Дарт Вейдер в кожаном пальто!..

ИСТОРИЯ МАРТЫ

– Тебя как зовут?

– Марта, – ответила я.

– Понятно. Я Зевс.

Мы долго шли какими-то дворами, шарахаясь в тень от каждого встречного. Впечатление создавалось такое, что за нами охотится весь город. Мы – это я и еще четверо молодых мужчин, троих из которых я видела впервые, а с четвертым была знакома едва ли больше двух часов. Я шла последней, сжимая в трясущихся руках рюкзак с наспех собранными вещами, и постоянно подавляла в себе желание сбежать. Но здоровенный парень, назвавшийся Зевсом, объяснял, что ничего плохого они мне не сделают. Я заставляла себя ему верить и, несмотря на внутреннюю дрожь, старалась от них не отставать.

– Еще б чуть-чуть – и вам кранты, – объяснял Зевс. – Вам повезло, что мы выследили вас раньше, чем они успели собрать своих. Ничего, скоро придем к нашим.

– Нашим? – удивленно шепнул мне парень, называвший себя Шутом.

Я лишь пожала плечами. Что я могла ему ответить? Для них они «наши», а кто для меня?

Вдруг Зевс остановился.

– Ах да, чуть не забыл! Ждите здесь.

Он завел нас в темный переулок, спрятал в тень, а сам ушел.

– Куда это он? – спросила я у его дружков, но на их лицах прочла лишь усмешки.

Подождать пришлось всего пару минут. Вскоре из-за угла показался Зевс в компании какого-то молодого человека.

– Понимаешь, корешу моему хреново. Перепил пацан, – вещал ему по пути Зевс. – Поможешь его до такси дотащить, ладно? Чисто по-человечески прошу...

– Без проблем, помогу, – ответил тот, испуганно озираясь по сторонам. – Где твой приятель-то?

Когда они поравнялись с нами, Зевс остановился, снял с головы своего спутника кепку и напялил на себя.

– Эй, ты чего это?.. – начал было тот.

И тут из темноты вышли мы. В свете тусклого фонаря я заметила в глазах парня: «Ну все, попал!» Зевс между тем достал из кармана нож и демонстративно приставил парню к горлу.

– Что в карманах? – спросил он.

Парень выгреб какую-то мелочь.

– Это все? Че ты гонишь? А если в нос дать, может, еще появится?

И Зевс с размаху залепил ему ребром ладони куда-то в район шеи. Парень рухнул на асфальт и остался лежать неподвижно. Убил?! Зевс наклонился и провел ножом по шее парня. Выступила кровь.

– Давай первый, – сказал он Шуту.

Тот осторожно приблизился, широко раскрытыми глазами глядя на кровоточащий порез.

– Слушай, ты че как в первый раз замужем? Давай быстрее! Он скоро очнется, а народу много. Я с вас, новичков, хренюю!..

Шут наклонился.

– Теперь ты, – сказал Зевс, обращаясь ко мне.

– Чего? – удивилась я, хотя уже прекрасно поняла, что именно они от меня хотят.

– Не тупи. Ты жрать хочешь или нет?

Я опустилась на колени и, с трудом проглотив ставший в горле комок, наклонилась к шее парня. «А если откажусь?» – мелькнула мысль. Однако я решила не рисковать. Закрыв глаза, я прильнула губами к ранке.

– Ну вот, так бы и сразу, – ухмыльнулся Зевс. – Готово? Кто следующий?..

Вскоре мы опять шли темными дворами. Один примерял новые часы, другой – золотую цепочку. Мне выдали снятую с парня куртку – пальто я второпях забыла дома. Я шла, кутаясь в нее, но все равно чувствовала, как меня знобит.

– Не переживай, – сказал Зевс, заметив мое состояние. – Поначалу всегда так. Но что делать-то? Рано или поздно привыкнешь.

– А он... Он точно не мертв? – выдавила я из себя.

– Тот крендель? Не-а, очнется! Что ж мы, убийцы какие,

что ли?

Зевс злорадно усмехнулся, так, что я тут же усомнилась в правдивости его слов. Такой прирежет и глазом не моргнет!

– Ладно, не переживай. Он правда очухается, – добродушно прибавил Зевс.

Мы так долго петляли по ночным переулкам, что я уже с трудом понимала, в какой части города нахожусь. Наконец остановились у какой-то многоэтажки. Там двое нас покинули. Мы же с Шутом следом за Зевсом вошли в подъезд.

– На самом деле мы редко поступаем так, как с тем пацаном, – объяснил Зевс, поднимаясь по лестнице. – Есть много более эффективных, да и безопасных способов добыть кровь. Это я вам специально показал, как бывает, если совсем туго приходится. Так, на всякий случай.

– Обязательно было его раздевать? – хмурясь, спросил Шут.

– Конечно. Представь, очнулся бы он в своих шмотках – и что подумал бы? Возникли бы ненужные вопросы, подозрения. А так все ясно – гоп-стоп! Имейте в виду, что за гоп-стоп вас даже искать никто не станет. У того чувака и заяву-то менты возьмут так, для отмазки. Знаете, сколько таких разводов происходит в городе каждую ночь? И попробуй найди виновных! А вот убийство – это уже серьезно, это уже криминал. За это может полгорода на уши встать, а такие проблемы нам на фиг не нужны. Нам в этом городе еще

жить!

Зевс подошел к какой-то двери и вставил ключ в замочную скважину.

– Только запомните главное правило: никогда не пейте в своем районе! – закончил он свой поучительный монолог и распахнул дверь.

Квартира оказалась самой обыкновенной. Признаться, я иначе представляла себе место, где собираются вампиры – ожидала увидеть нечто вроде склепа, заваленного гробами и освещенного гирляндами из свечей. Однако при первом взгляде мне показалось, что тут живут студенты. На кухне громоздилась гора немытой посуды, в углу воняла тонна мусора: пакеты, пустая тара из-под пива, очистки картошки. В темной комнате кто-то храпел. Единственное, что выглядело ненормальным, – все окна в квартире оказались плотно завешены одеялами.

Мы с Шутом продолжали мяться у порога.

– Че в коридоре встали, как неродные? – раздался с кухни голос Зевса. – Будьте как дома. Располагайтесь! Денек-другой здесь перекантуетесь, а там что-нибудь придумаем.

Мы робко прошли на кухню и присели на табуретки.

– Есть хотите? – спросил Зевс и, заметив мою растерянность, прибавил: – Вон там вареники. Майонез и масло в холодильнике. Да не стесняйся ты так!

«Они что, меня проверяют?» – мелькнула мысль.

Зевс между тем сам взял тарелку, накидал в нее варени-

ков, добавил ложку майонеза и принялся есть. Потом посмотрел на нас с Шутом, поставил на стол еще две порции и кивнул, мол, ешьте. Шут взял ложку. Он был явно голоден. Я тут же вспомнила наше с ним знакомство. Он ведь говорил, что такие, как он, употребляют не только кровь!.. Я осторожно наколола на вилку вареник, надкусила. Как ни странно, это оказался обычный вареник!

Клацнул замок. Вернулся Десад – один из тех двоих, что покинули нас у подъезда.

– Где Салюта потерял? – спросил Зевс.

– Сказал, что еще погуляет, – ответил тот и поставил на стол бутылку водки.

– Небось опять к своим этим унтервампам пошел. – Зевс откупорил бутылку и окинул нас повеселевшим взглядом. – Ну что, за знакомство?

– Я не пью, – сказал Шут.

– Я тоже, – ответила я, подозревая в этом очередной подвох. Хотя на самом деле я была не прочь выпить – для успокоения нервов.

– Ну как знаете... – Зевс наполнил три рюмки. – Десад, толкни там Черного.

– Эй, упырина, кончай дрыхнуть! – прокричал тот в темную комнату.

– Че упырь? Че упырь?.. Я четыре года как упырь! – раздался оттуда сонный голос. – Чего орать-то?

Вскоре на кухню шатаясь выполз коренастый полуголый

мужик с длинными, ниже плеч, черными волосами и такой же угольно-черной бородой.

– Слава Чернобогу! – сказал он и рухнул на табуретку.

Дальше потекла стандартная пьянка со свойственными ей темами разговоров. Зевс, Десад и Черный болтали обо всякой кухонной ерунде: о политике, о музыке, о пьянках и о девках. И ни слова о вампирах, жертвах, крови!.. Мы с Шутом помалкивали.

Во время попойки у меня появилась возможность получше рассмотреть своих новых знакомых. Зевс явно стоял на позиции лидера и вел себя словно матерый волк среди щенков. Он, похоже, терпеть не мог, когда ему перечат в спорах, и до хрипоты отстаивал свои позиции, даже если был не прав. «Еще бы, такому верзиле попробуй возразить!..» – думала я, поглядывая на размеры его выпирающих из-под темно-синей футболки мышц. Признаться, я постоянно ощущала в нем угрозу и ждала агрессии. Серые глаза Зевса, несмотря на хмель, постоянно внимательно следили за каждым, даже за его же приятелями. Создавалось впечатление, что Зевс всегда настороже и все обо всех знает. Говорил он ладно, как хороший оратор. В спорах частенько переходил на какой-то пафосный резковатый слог, едва ли не сыпал цитатами: поставь такого на трибуну – ни дать ни взять герой-революционер или фюрер. Однако к людям он всегда обращался мягко и даже лестно. Это несколько сбивало с толку, располагало к нему. Хотя я, как только начи-

нала испытывать к нему симпатию, постоянно себя одергивала, понимая, что за этой теплотой наверняка скрывается беспощадный жар. И не дай Господь кому-либо вызвать этот огонь на себя!

По комплекции Десад и Черный выглядели немногим помельче Зевса. Первый оказался веселым парнем (если можно назвать словом «парень» монстра-кровососа): постоянно болтал, чаще всего шутя на довольно мрачные темы – сплошной черный юмор. Рот Десада не закрывался, даже когда все уже начинали мечтать о том, чтобы он наконец заткнулся. Черный, напротив, сидел хмурой и все отмалчивался.

Наблюдая за ними, я все больше поражаюсь: я видела в них обычных, хоть и несколько радикально настроенных людей, и даже поймала себя на мысли: «А вдруг я ошиблась, и они вовсе никакие не...» Однако тут же отогнала этот вздор. Что-то внутри меня подсказывало, что они самые что ни на есть!..

– Как это вас угораздило-то? – подмигнул нам с Шутом Зевс. – Давно перекинулись?

Я насторожилась. Конечно, я ожидала подобного вопроса, и у меня была припасена на этот случай легенда в стиле киношных ужастиков (с бледными персонажами, кладбищами и гробами). Да только я вдруг поняла, что при подобных обстоятельствах такие байки не прокатят. Моя история в стиле хоррор в сравнении с биографией Шута выглядела по меньшей мере нелепо.

– Ну... Это случилось пару дней назад... – вяло начала я. К счастью, Зевс прервал мое вранье.

– Да ладно тебе. Я пошутил. – Он добродушно хлопнул меня по плечу. – На самом деле никого не волнует, кто и как таким стал. Главное – живы. И ладно!

– Послушай, а у тебя с ориентацией как? – шепнул мне на ухо Черный.

– В смысле?.. – возмутилась я, чувствуя, как бешено забилось сердце.

Еще бы, я одна в компании нескольких поддатых парней. Причем не просто парней!..

– Да не с той ориентацией, о которой ты подумала, – быстро поправился Черный. – Я имею в виду по жизни. А то некоторые, как перекинутся, тут же начинают в гробах спать, одеваться во все черное да на людей кидаться. Нахватались с детства всякой чуши.

– У меня с этим вроде все в порядке, – пожалала я плечами.

И тут же вспомнила свой внешний вид – черные шмотки и тонна косметики.

– По крайней мере, в гробах я спать не собираюсь, – смущенно прибавила я.

– Это правильно, – одобрительно кивнул Зевс. – А то есть тут у нас одна тусовочка...

– Разве в городе есть еще вампиры? – пораженно воскликнула я.

– Вампиры! – заржал Черный.

Я поняла, что сморозила что-то не то.

– Мы, деточка, не вампиры, – объяснил Десад. – Мы – упыри. У-пы-ри! Понятно?

– Разве это не одно и то же? – захлопала я глазами.

– Ты разницу между русским и, скажем, малазийцем видишь?

– Ну да.

– А между нашим упырем и ихним лангсуяром – нет? Не поняла?

Я пожала плечами:

– И чем же они отличаются?

Десад состряпал мину типа: «Ну совсем тупая!»

– Да в принципе мало чем, – наконец ответил он. – Но только если русский начинает именовать себя малазийцем и старается всячески походить на них, это как называется? Утрата культуры – вот как это называется! Так вот мы – русские! Понимаешь? Мы – упыри!

– А! – сказала я, удивляясь, что и среди вампиров могут возникать подобные проблемы. – И все же вы не думаете, что для всего остального общества мы все – вампиры, как бы себя ни называли? И людям без разницы, кому вбивать кол: хоть упырю, хоть этому... как его там?... Лансгх...

– Лангсуяру, – поправил Десад и замолк, обдумывая мои слова.

– Эй, а ну прекратить эти унтервампские разглагольствования! – громовым голосом оборвал Зевс.

Я решила, что подобных тем тут лучше не касаться.

– Что-то Кабан с работы задерживается, – заметил Черный.

– С работы? – удивилась я, а потом кивнула: – А! Поняла!..

Но, к моему удивлению, правильно я поняла именно сразу, так как Кабан действительно вернулся с работы – обыкновенной человеческой работы! Оказалось, он по ночам заступал в смену на погорскую бойню. С собой Кабан принес двухлитровую банку бурой жидкости, при виде которой Зевс воскликнул:

– Питаемся всякими канцерогенами!

– Почему это? – удивился Десад.

– Хрен знает, какими химикатами они этих коров выкармливают.

– Не нравится – не пей, – обиделся Кабан.

– Ладно, не гунди. – Зевс наполнил граненый стакан. – Будешь?

Я поняла, что он обращается ко мне.

– Спасибо, я не голодна, – выдавила я из себя, чувствуя, как подкатывает к горлу тошнота.

Я встала, стараясь вести себя как можно спокойнее, и на непослушных ногах направилась в ванну, искренне надеясь, что по пути меня не стошнит. Хорошо, что они принуждать не стали! Еще куда ни шло делать вид, будто пьешь кровь из шеи, пачкая только губы, другое – вот так вот,

из стакана!.. Такого поворота событий я даже представить не могла.

– Это еще кто? – услышала я позади удивленный голос Кабана.

– Новенькая, – ответил Зевс.

– Странная какая-то...

К счастью, на улице уже начало светать, и все принялись укладываться спать. Нам с Шутом кинули на полу матрацы. Я легла не раздеваясь и ощутила такую усталость, что, позабыв все страхи, сразу же вырубилась и проспала до вечера.

Проснулась, когда остальные еще спали. Накинув куртку, я прокралась к входной двери и потихоньку покинула квартиру. На улице еще было довольно светло, солнце едва скрылось за многоэтажками. Как же мне радостно было увидеть голубое небо над головой. Признаться, вчера, когда все пошло не по плану, и я угодила в самое логово наших врагов, уже распрощалась с жизнью. Причем, больше всего меня испугало не то, что меня убьют, а как раз наоборот – что я выживу, но продолжу существовать в мерзкой оболочке кровососа. Ведь это хуже смерти!

«Но теперь все позади, – с облегчением думала я. – Надо поскорее сообщить своим, что со мной все в порядке. Пусть заберут меня из этого кошмара!»

Теперь, при дневном свете, я быстро сориентировалась, где именно нахожусь. Разыскав телефон-автомат, набрала номер.

– Это Марта, – сказала я, услышав в трубке знакомый голос. И по растерянному молчанию догадалась: они меня уже похоронили! Еще бы, ведь прошлой ночью я сообщила, что выследила тварь. Что они еще могли подумать, когда, приехав на место западни, не обнаружили там ни меня, ни вампира?

– В храм пока не приходи, – после растерянного молчания наконец раздалось в ответ. – Запоминай адрес. Встретимся там.

Гудки – повесили трубку.

Осторожничают! Впрочем, не удивительно. Я бы и сама опасалась, если бы слышала голос того, кого записала в покойники. Особенно учитывая, что мертвые далеко не всегда умирают...

Пройдя с десяток кварталов, разыскала нужный дом. Войдя в подъезд, подождала какое-то время. Слежки нет! Поднялась на третий этаж, нашла нужную квартиру. «Интересно, чье это жилище? – размышляла я, стуча в дверь. – Наверное, кого-то из прихожан Ордена».

– Открыто, входи, – раздался голос сверху.

Я увидела, что на пролете чуть выше стоят двое одетых в черное. Скорее всего, чтобы отрезать путь к отступлению, если я окажусь не той, кого они ожидают. Потянула за ручку, вошла. Те двое шагнули в квартиру следом, но остались в коридоре. Магистр сидел за кухонным столом: длинное черное пальто распахнуто, на груди поблескивает большой серебря-

ный крест, из-под полы шляпы пронзает взгляд настороженных темных глаз. Перед ним, возле напряженной ладони лежит маленький взведенный арбалет, серебряное жало болта смотрит прямо на меня. А на тот случай, если я все-таки окажусь чиста, рядом с арбалетом стоит тарелка с какой-то едой. Правда, есть не хочется. В Ордене ведь даже не подозревают, что большинство тварей питаются не только кровью. Как раньше не знала об этом и я.

Сев на стул напротив, под его строгим отеческим взглядом, я только теперь смогла окончательно расслабиться, позволив вырваться тому ужасу, что почти сутки томился внутри. Я в безопасности! Среди своих! И от воспоминаний пережитого меня забила крупная дрожь. Еще немного – и она сорвалась бы в истерику.

– Как ты, дитя мое?

Когда отец Пейн заговорил, мне стало легче. Меня всегда успокаивал его голос.

Я хотела ответить, что все в порядке, или что-нибудь в этом духе, но, с трудом подавив лихорадку в голосе, вымолвила:

– Жива.

Он долго молча рассматривал меня, оставив без ответа это заявление. Я поняла, что именно он пытается во мне найти. Я бы тоже искала, если бы кто-нибудь вернулся оттуда. Поняв это, сунула руку за пазуху, вытащила маленький крестик и поднесла к губам.

– Я чиста, – сказала срывающимся голосом.

Взгляд его смягчился. Я коротко рассказала ему все, что произошло.

– До сих пор поверить не могу, как я выжила, – жалобно закончила я, ища сочувствия.

– Тернист путь война Света, – твердо ответил он.

И мне стало стыдно за свою слабость. Ведь он прав, я сама пошла на это, сама выбрала путь охотника. Быть солдатом – это не только лавры и победы, порой приходится жертвовать собой во имя благого дела. И, опустив глаза, поднеся сложенные ладони к губам, я покорно кивнула:

– Простите, отче. Я буду сильной, обещаю.

– Господь простит.

Отец Пейн помолчал, задумчиво приглаживая бородку. Наконец сказал:

– Конечно, все пошло не так, как мы планировали. Но... – Его ладонь ударила по столу так, что подпрыгнул арбалет и звякнула посуда. – Это даже хорошо! Ты должна была выманить одну тварь, а разоблачила целую стаю, – Он возвел повеселевшие глаза к скрытым потолком небесам: – Да, сам Господь дает нам шанс! Если мы сможем побольше разузнать о них, понять, сколько их, где скрываются...

– Нет! – вскочила я, вдруг сообразив, к чему он клонит. – Я не вернусь туда!

Глаза отца Пейна полыхнули яростью и гневом: никто не вправе оспаривать решения магистра! Однако, заметив,

что я на грани паники, он смягчился. Подошел ко мне, обнял:

– Дитя, пойми, это наш шанс! Никто кроме тебя не сможет сделать этого, ведь ты уже проникла в их логово, тебя не раскрыли. Мы не можем упустить такой возможности. Продержись еще хотя бы одну ночь, и мы навсегда очистим этот город от скверны.

– Я... я не могу!.. – Слезы хлынули потоком. – Я боюсь!

– Мы все будем молиться за тебя, за твой успех.

– А если они все-таки поймут?

– Смерть во имя истины и веры – почетная смерть. Разве ты забыла? А для таких героев у Господа отведено особое место в Раю, у самых стоп Спасителя. Но, я уверен, Всевышний не оставит рабу свою. Все будет хорошо.

– Я боюсь, – снова простонала я.

Однако он уже подталкивал меня к выходу, по пути сунув мне в карман записку с адресом и временем следующей встречи.

– Всего одну ночь, – повторил он, целуя меня в лоб. – Одну ночь! Смотри и запоминай!..

Я буквально заставляла себя идти обратно. Наверное, так герои идут к амбразурам вражеских дотов, чтобы накрыть их собственными телами. Страшно и необходимо! В тот момент я поняла, что означает фраза «идти на ватных ногах» – мои ноги противились, отказывались подчиняться. И все же я шла. «Только бы вернуться до того, как они проснутся», –

мечтала я. Но в подъезде на лестничной площадке неожиданно столкнулась с Зевсом. С ним были Салют (тот парень, что накануне не вернулся ночевать) и Шут.

«Ну все, конец! Меня раскрыли! – мелькнула паническая мысль. – Убежать?»

– Приветик! – как ни в чем ни бывало воскликнул Зевс. – Уже вернулась? А мы прогуляться вышли.

Я насторожилась, пытаюсь понять, действительно ли мой уход не вызвал подозрений. Но троица вела себя мирно и весело. Я выдохнула: пронесло! Позже я узнала, что вампиры, хоть и боятся света, довольно сносно себя чувствуют в пасмурную погоду. Так что мой ранний уход ни у кого не вызвал удивления.

– Пойдешь с нами? – спросил Шут, как-то странно, но без злобы взглянув на меня.

Я пожала плечами и поплелась следом за остальными. Мы вышли на улицу и медленно пошли по тротуару под уже зажженными фонарями, особо не выбирая направления. Все были сыты и довольны, а потому просто гуляли. Помню, я подумала тогда, что со стороны мы походим на обычную компанию, которая вышла вечером попить пивка. И кто бы мог подумать, что на самом деле по городу разгуливает шайка жутких кровососущих тварей – кровожадных убийц!

По пути я больше всего опасалась повстречать кого-нибудь из своих приятелей. Повезло, что район, где мы находились, расположен почти на окраине города – мало шансов

встретить знакомых. Но я все равно постоянно настороженно смотрела по сторонам. Это заметил Зевс и растолковал мое беспокойство по-своему.

– Будь проще, – сказал он, слегка сжав мой локоть. – Мы просто гуляем!

– Зевс, смотри! – вдруг воскликнул Салют. – Какая-то го-поть наших кумарит!

В половине квартала от нас пятеро парней лупили двоих.

– Пусть кумарит, – равнодушно ответил Зевс. – Какие они на фиг наши? Если перекинулись, это еще не значит, что стали упырями. Я бы им сам глотки поразорвал.

– И что же, пройдем мимо?

– Чтобы помогала стая, нужно быть в стае! А чтобы быть в стае – нужно быть волком!

– Я ведь тоже когда-то в собаку перекидывался, – заметил Салют.

– Но теперь-то ты волк! Они же как были псами, так ими и остались.

– Так не лучше ли им помочь вырасти в принципах и сделать из них волков?

– Салют, опять ты со своим пацифизмом? – усмехнулся Зевс. – Тебя он до добра не доведет, поверь мне. Хочешь помогать им? Вперед! А по мне, чем меньше будет таких вот, как они, тем лучше. Только нацию позорят!..

Однако Салют уже бежал к дерущимся. Те пятеро, что избивали двоих, заметив наше приближение, бросились врас-

сыпную. Когда мы подошли, Салют уже помог избитым подняться на лавочку. Я оценила их: оба маленькие, щупленькие, одежда едва с плеч не падает. Я так и не поняла, как это Салют разглядел в них «наших». Видать, они все тут друг друга знают.

– Здорова, унтерки! – насмешливо поприветствовал избитых Зевс, присаживаясь рядом.

Те заерзали на лавке, потирая разбитые носы.

– Та-ак, что читаем? – Зевс отобрал у одного из них книгу. Взглянул на обложку. – «Демонология». Во как!.. Чушь!

И он швырнул книгу в мусорную урну. Избитые не возражали, лишь бросали по сторонам испуганные взгляды.

– Чуваки, а вы вообще кто? – вдруг спросил Зевс.

После недолгой паузы один из них промямлил:

– Мы вурдалаки!

– Вур-да-ла-ки, – передразнил Зевс. – Скажешь, небось, что еще и русские?

Тот неуверенно кивнул.

– А ты знаешь, что слово «вурдалак» придумал Пушкин – так, для рифмы? На Руси же испокон веков были волколаки и упыри! Не знаешь? А знаешь, почему не знаешь? Это все потому, что вы – унтервампы! Быдло, которое позорит свой собственный род!

Избитые молча смотрели на Зевса, вздрагивая от каждого его движения и слова.

– Что-то жрать охота, – продолжал тот и хлопнул одного

из них по плечу. – Чувак, может, поделишься кровушкой-то? Не в службу, а в дружбу, а?

Паренек принялся быстро закатывать рукав, обнажая тощую бледную руку.

– Зевс, – не выдержал Салют, – оставь их в покое!

Тот посмотрел на него, ухмыльнулся.

– Жалеешь? Заступаешься? – Потом вздохнул: – Ладно. Так и быть. Ну-ка, дружно сказали: «Спасибо, дядя Зевс, за великую милость!..» Молодцы! А теперь быстро отсюда, пока я добрый... Ну?!.

Избитые вскочили и без оглядки помчались по дороге.

– За что ты их так? – спросила я, когда мы шли обратно. – Они ведь тоже упыри, такие же, как вы... то есть мы!

– Кто упыри? Они-то? – хмыкнул Зевс. – Унтервампы! Быдло!

– По-моему, вы между собой – упырями – разобраться не можете, а пытаетесь судить о межнациональных вопросах.

Нам навстречу между тем с надменным видом шагали два здоровенных мужика, по внешности – уроженцы Кавказа. Мы расступились, пропуская их и провожая взглядами.

– Знаешь, кто это? – шепнул мне на ухо Салют. – Это потомки Даханавара. Был когда-то такой оборотень в Армении.

– Здоровые! – заметил Шут.

– Да, понаехали тут!.. – Зевс зло сплюнул на асфальт.

Было уже под утро, когда вернулся Салют. Он вошел, сияя от счастья, а из-за его спины появилась симпатичная девуш-

ка. Я сразу отметила ее разрез глаз, характерный для местных дальневосточных народностей.

– О, а это что за нечто с тобой? – усмехнулся Зевс.

– Че ты гонишь? – тут же потускнел Салют. – Во-первых, ее зовут Ночка, а во-вторых, она бурятка. Кстати, на этой земле у нее даже больше прав находиться, чем у нас. Ее предки жили здесь испокон веков!

– Бурятка, говоришь? Местный житель? По части их законных прав – согласен, – протянул Зевс. – Но я на самом деле не о том, как она выглядит. А о том, кто она на самом деле. Думаешь, бурятка? Так давай проверим. Ну-ка, скажи мне, деточка, в кого мы превращаемся?

Ночка смутилась, но, не обращая внимания на издевательский тон, с которым был задан вопрос, гордо ответила:

– В летучую мышь!

– В лягушечку мышку? – Зевс расплылся в улыбке.

– А в кого я должна?..

– Эй, детка, ты слышала когда-нибудь про аниуку? Нет? А он же ваш, можно сказать, родной, бурятский! Да откуда ей было слышать?! Она «Дракулу» читала!

Ночка, покраснев, отвернулась.

– Вот она – типа бурятка. – Зевс повернулся к Салюту. – Почему же она в вампира перекинулась, а? Да потому что начиталась всякой дряни типа Брэма Стокера. Нам с детства позасрали мозги всякой инородной чушью, а теперь мы стесняемся собственных корней!

– Не понимаю, почему она не может быть вампиром, если ей так хочется? – заметила я. – Может, ей так нравится?

– А почему даханавары не превращается в цзянши – и наоборот? Да потому что для них это – позор! – ревел Зевс. – Они чтят свои корни! Почему стрыга не становится упырем? Зато наши – куда мода, туда и мы. Среди русских почему-то в последнее время стало почетно кем угодно называться, лишь бы не упырем или волколаком. Мы так долго и упорно боролись за интернациональную идею, что почти полностью растеряли всю нашу национальную гордость. При этом все народы, что нас окружают, остались официальными националистами. Никого не удивит фраза: «Китай для цзянши», «Армения для даханавара», «Германия для блутзаугера», «Индия для веталы». Зато стоит сказать: «Россия для упыря» – так сами же упыри начинают вопить, что так говорить преступно и что мы – многонациональное государство! Я слышал, что в Словении если свой назвался не стрыгой, на порог никто не пустит. И при этом их в национализме никто не обвиняет! Так вот, если она сама говорит не «Бурятия для аниуки», а «Бурятия для вампира», кто она после этого?

– Я же не знала, – уже чуть не плача, вскричала Ночка.

– Кто за тебя должен знать? – наседал Зевс.

– Ну что ты пристал к девчонке? – не выдержала я. Мне настолько стало жаль ее, что я в тот момент даже позабыла, кто она такая. – Хочет быть такой, пусть будет. Это – ее

выбор! Если тебе нравится копаться в истории и следовать традициям – делай так. Но зачем всех-то ровнять под себя? А по мне, так ты просто повод нашел. Как я погляжу, все у вас плохие, кто слабее вас!..

– Ты откуда такая умная?.. – Зевс аж привстал, уставившись на меня озверевшими глазами.

Еще бы, ведь раньше ему мало кто перечил. Я подумала вдруг, что он мне вот-вот звезданет кулаком. Или не кулаком, а чего похуже... И тут же вспомнила, среди кого нахожусь.

Ночка в слезах выбежала из квартиры. Салют помчался за ней.

– Куда вы, идиоты? Светает же! – прокричал вслед Зевс, но догонять не стал.

Я с трудом дождалась следующих сумерек. Как только начало смеркаться, я, стараясь не выказывать спешки, направилась к входной двери.

– Ты куда? – окликнул меня Шут.

– Прогуляюсь.

И тут я обратила внимание на его взгляд. О боже! Этого еще не хватало! Шут не сводил с меня глаз! Неужели в меня влюбился вампир?! Мне это показалось таким забавным и одновременно... Нет, не страшным. Жестоким, что ли?..

– Можно с тобой? – спросил Шут.

– Нет. – Я старалась говорить как можно мягче. – Хочу побыть одна.

Я вышла на улицу. Пройдя несколько кварталов, зашла в подъезд и развернула записку. Быстро прикинула адрес, сориентировалась и, сунув записку в карман, пошла, стараясь держаться тени.

– Эй, Марта!

Я замерла. Оглянулась. Ко мне шел улыбающийся Салют.

– Привет, – сказал он. – Куда путь держишь?

– Так, гуляю...

– А я только что с работы.

– Где трудишься?

– Разнорабочим на складе. С раннего утра до позднего вечера под крышей, так что солнце не беспокоит. Зарплата, кстати, приличная.

– Ну а если придется днем наружу выйти? – удивилась я.

– Не придется. У меня справка есть. – Салют порылся в кармане и вынул небольшую бумажку с печатью. – Тут написано, что у меня болезнь Гюнтера. Люди с этим заболеванием хреново переносят солнечный свет. Это я в умной книжке прочитал. Пока прокатывало.

– Откуда такая справка?

– Так, один знакомый медик выписал. Тоже из наших. В областной больнице в морге работает... Кстати, чуть не забыл. Спасибо, что заступилась сегодня за Ночку.

– Да ладно, не за что. Я ведь от души, чисто по-человечески.

И тут же осеклась: они ведь не люди, да и души у них нет –

они ее продали Дьяволу. Однако, к счастью, Салют пропустил мимо ушей эту фразу.

– Кстати, я в гости к приятелям иду. Хочешь со мной? Они тут неподалеку живут. Зевс, правда, большинство из них считает отстоем – унтервампами, то бишь «недовампирами». Но среди них есть очень много интересных личностей.

Я сначала хотела отказаться, помня о другой важной встрече, но в итоге любопытство взяло верх. Пока что ведь я видела лишь одну компанию вампиров. К тому же магистр сказал: «Смотри и запоминай!» И я согласилась:

– Что ж, пойдём!

Жилище друзей-вампиров оказалось в нескольких кварталах. Их квартира располагалась на верхнем этаже пятиэтажки. В этом, как объяснил Салют, был практический смысл. Оказалось, большинство обитателей квартиры умеют летать. Но даже те, кто не умеет, в случае опасности смогут уйти от охотников через чердак.

Салют постучал в обитую коричневым дерматином дверь. Долго никто не открывал. К соседней двери между тем подошла какая-то женщина.

– Снова к этим? – сердито сказала она. – Будете опять всю ночь спать не давать – милицию вызову!

– Не волнуйтесь, Тамара Михайловна, – по-соседски мягко ответил Салют. – Мы же не нарочно.

Женщина погрозила пальцем и скрылась за дверью.

– А она что, тоже?.. – осторожно спросила я.

– Кто? Михална? Не-е!.. Просто мы на этом флэте уже около двух лет. С большинством соседей чуть ли не за руку здороваемся. – Салют снова затарабанил в дверь. – Блин, что они там, спят, что ли?..

«Надо же, – думала я, – люди столько лет живут бок о бок и друг о друге не знают практически ничего. А что, если твой сосед – маньяк-убийца?»

С той стороны двери наконец послышалась какая-то возня. Вялый голос спросил: «Кто?»

– Салют! Открывай давай!

Дверь распахнулась. На пороге возник небольшого роста парень в домашних тапочках, трениках и майке. Он уставился на нас воспаленными заспанными глазами:

– Вы чего в такую рань?

– Какая рань, глянь, который час, – буркнул Салют, протискиваясь в квартиру.

Это жилище мало чем отличалось от упыриного. В глаза сразу бросился все тот же полустуденческий бардак. Мы, видимо, действительно пришли довольно рано: из комнат раздавался храп. Даже впустивший нас парень, которого Салют назвал Айроном, тут же повалился на диван.

– Пойдем на кухню, пока все дрыхнут, – предложил Салют.

– Чье это жилье? – спросила я.

– Да кто ж его знает? Говорят, его снимает Рутра – есть тут

один такой персонаж. Потом познакомишься. Легендарная, можно сказать, личность! А может, принадлежит кому-то из наших, перекинувшихся. Чаще всего тут вписывается народ приезжий – те, кому первое время в городе негде остановиться. Многие кантуются тут день-другой и двигают дальше по трассе. Те же, кто задерживается в Погорске надолго, обычно потом снимают свои хаты. Хотя есть здесь и постоянные обитатели. Те же Рутра с Муном, например.

– Ну а сам ты где живешь?

– Раньше я обитал в основном у Зевса. Иногда здесь на день-другой зависал. А когда появилась Ночка, сняли вместе квартиру.

– Так вы давно знакомы? Я думала, что ты только сегодня утром...

– Да нет. С Ночкой мы уже с месяц живем вместе. А познакомились и того раньше. Просто я не хотел ее с Зевсом и компанией знакомить. Предвидел подобную реакцию. Это она все: «Познакомь да познакомь». Ну вот результат!

Салют замолчал. Я поняла, что снова затронула большую тему.

– О, а это что за рыба? Выюн? – спросила я, стараясь перевести разговор, и указала на стоявшую на подоконнике пятилитровую банку. В ней плескалась длинная черная рыбина, похожая на змею.

– Ага, – Салют усмехнулся. – Не дай боженька кому такого выюна в реке повстречать. Он такой же, как мы.

– В смысле?

– В прямом. Кстати, этот еще маленький. Его взрослые сородичи промышляют тем, что опутывают ноги купающихся или гуляющих у берега людей. Потом они их тянут ко дну, топят и выпивают кровь. В Шотландии их называют бурач-бхаои. Этого мы зовем Волос.

Я подошла к банке и рассмотрела Волоса повнимательнее. Он и правда напоминал змею, но вместо чешуи у него вроде как была обычная черная кожа. Волос прижался мордочкой к стеклу и раскрыл пасть, полную множества мелких острых зубов. Теперь мне стало казаться, что не только я его рассматриваю, но и он меня. В черных горошинах глаз чувствовался интеллект.

– Как он сюда попал?

– Сам пришел, – ответил Салют. И на мой удивленный взгляд объяснил: – Как-то раз я сидел на берегу речки Гербы и босыми ногами плескал в воде. И вдруг почувствовал, как кто-то тронул меня за палец. Я наклонился и увидел его. Видимо, он каким-то образом признал во мне своего. Потом я обнаружил, что у него распорот бок. В принципе, как и у всех нас, раны у Волоса заживают довольно быстро. Да только вокруг него постоянно кишели стаи мальков и раздирали ранку. А он-то существо ночное, небось днем нужно куда-нибудь в ил зарываться. Представляешь, терпеть такое?! В общем, я сразу понял, что хреново ему и что он просит помощи. Тогда я нашел банку, набрал воды и предложил

ему пойти со мной. Он согласился. Вот и живет тут уже две недели. Как поправится, отнесу его обратно в реку. Кстати, можешь его даже потрогать. Он приветливый.

Я было засомневалась. Однако подумала, что, если выкажу хоть какую-то неприязнь к этому чудо-монстрику, Салют, скорее всего, обидится, а мне не хотелось портить хорошие отношения, которые еще не успели толком начаться. Тогда я, переборов страх, закатала рукав и сунула руку в банку. Любопытный Волос сделал пару витков вокруг нее, с интересом рассматривая колечко у меня на пальце, потом пару раз осторожно теранулся о ладонь и... неожиданно впился зубами в запястье! Я резко выдернула руку.

– Ты чего? – подскочил Салют.

– Он кусается!

– А тебе что, больно было?

– Да нет...

– Так в чем же тогда проблема? – Было ясно, что Салют все-таки обиделся. – Ему же тоже кушать охота! Не будем же мы людей сюда таскать?! Не так уж много он и выпил бы.

– Я же не нарочно, – попыталась оправдаться я, глядя, как Волос смотрит на меня с непониманием и тоской.

– Ладно, – сказал Салют и сам сунул руку в банку.

Волос тут же прильнул к ней своей миниатюрной, но страшной на вид пастью.

– Когда-нибудь мы с Волосом поселимся на берегу реки, – мечтательно сказал Салют. – Ночку с собой возьмем. Да, Во-

лос? И не будет больше ни переездов, ни этих проклятых охотников...

Мне от этих слов стало не по себе.

Я приоткрыла тяжелую штору и взглянула на бездну звездного неба. В вышине медленно плыли черные островки облаков, в них словно купался тоненький серп молодой луны. «Интересно, каково жить в мире, в котором есть только бесконечная ночь? – вдруг подумала я. – Каково это – никогда не видеть солнца?»

Я долго стояла так, погруженная в мысли. И вдруг прямо предо мной возникло... лицо! Я чуть не вскрикнула, отпрянув от окна. Еще бы, мы ведь находились на пятом этаже!

– Ты че не открываешь? – тронул меня за плечо Салют. И, заметив мою растерянность, добавил: – Ах да, вы же не знакомы. Это Черт. Он всегда так приходит.

Салют распахнул окошко, и в комнату влез мужик на вид лет сорока. Я поздоровалась. Мужик что-то пробурчал в ответ, ушел в комнату и повалился на диван. А спустя мгновение стало ясно, что он уже спит.

– Умаялся, бедняга, – сказал Салют. – Теперь подрыхнет до следующего вечера.

Раздался дверной звонок. Салют пошел открывать. На пороге стояла соседка Тамара Михайловна.

– Я это... собачку впустить, – объяснила она. – Слушайте, какой умный пес! Погуляет, сам возвращается, на коврики не гадит. Не то что у Ромашковых со второго этажа...

В квартиру между тем, виляя хвостом, вбежала небольшая черная дворняга, и как только захлопнулась входная дверь, она тут же на моих глазах превратилась... в голого мужчину лет тридцати! Я даже не успела сообразить, как это произошло. Разум просто отказывался принимать, что такое возможно.

– Это Ганс, – сказал Салют, когда бывший пес скрылся в ванной. – Он считает себя блутзаугером. Говорит, что родом из Германии. Врет, скорее всего. Взгляни только на его славянскую физиономию. – И тут же поспешно добавил, понизив голос: – Только не вздумай ему об этом сказать!..

Народ между тем стал постепенно просыпаться. Из комнаты вышла симпатичная стройная девушка с длинными черными волосами. Она окинула меня таким взглядом, словно я была ее соперницей на любовном фронте.

– Лила, – тихонько пояснил Салют. – Она суккуб, а потому терпеть не может женщин. Но вампиркам делает исключение.

Следом за Лилой вышел парень и робко поздоровался.

– Этого я не знаю, – шепнул Салют.

Лила подтолкнула парня к двери.

– Ну давай, – сказала она. – До встречи.

Парень нежно поцеловал ее, обулся и ушел.

– Лила, сколько раз говорить, – раздался голос Ганса из ванной, – не надо таскать жратву на вписку!

– А куда бы я с ним пошла? У него хаты своей нету!

– На улице!

– На улице ты сам со своими зоофилами целуйся! – огрызнулась Лила.

Затем появился Ли. В его внешности не было ничего китаянского, но он именовал себя не иначе, как цзянши (что-то вроде азиатского вампира), и порой проявлял это тем, что его кожа светилась едва видимым зеленоватым светом.

Но больше всего меня поразили один старик, который вдруг ни с того ни с сего стянул с себя кожу, словно водолазный костюм. Под ней оказался симпатичный молодой человек. Разоблачившись, он, не говоря ни слова, аккуратно скатал свою кожу трубочкой, будто спальный мешок, сунул ее в шкаф, а затем, превратившись в голубоватый светящийся шар, умчался вверх, пролетев прямо сквозь потолок.

– Это был Сурин, – объяснил Салют. – Он азема.

Потом пробудился Чан – довольно крупный белобрысый с ног до головы татуированный парень. Он был поклонником тибетской философии и, как я впоследствии поняла, состоял в каком-то религиозном обществе, причем в его иерархии занимал далеко не последнее место.

Но самым интересным персонажем в этой тусовке оказался Рутра – мужчина на вид лет тридцати пяти. Глядя на его манеру одеваться – пиджак, отутюженные брюки, рубашку, хоть и без галстука, а также на бородку-подковку, я почему-то подумала, что передо мной учитель, ну или ученый. И не ошиблась: по словам Салюта, Рутра когда-то перепро-

давал в университете, пока не перекинулся в ночную тварь. Причем, в отличие от большинства, сделал это сам, добровольно, из научных соображений. Он был так называемым идейным вампиром.

Рутра пришел около часа ночи. С ним был молчаливый парень, которого все называли Муном. Мне объяснили: это от английского moon – «луна». Паренек мог часами пялиться на луну. И действительно, едва он переступил порог флэта, сразу же ушел к кухонному окну и, отодвинув штору, уставился в небо. Я решила, что у него не все в порядке с головой и, как потом выяснилось, оказалась права.

Похоже, Рутру все хорошо знали, все ему были рады. Сам же тот выглядел каким-то мрачным, подавленным. Со всеми поздоровавшись, он обеспокоенно сказал Гансу:

– Я общался с Зевсом...

Тот кивнул ему, мол, пойдём поговорим. Оба ушли в дальнюю комнату и что-то долго обсуждали. Причем порой из-за двери доносились весьма громкие резкие фразы. Наконец дверь распахнулась. Первым появился Рутра, он выглядел еще более взволнованным и озадаченным. У вышедшего следом Ганса был вид готового к схватке волкодава. Зайдя на кухню, тот резко бросил Салюту:

– Дай закурить!

После чего торопливо выхватил у него из рук пачку, достал и зажег сигарету.

– Волк псу не товарищ, – прорычал Ганс. – Только пусть

не забывают, что и у нас есть зубы. Хотят войны? Получат!

И, опершись о стену у кухонной двери, нервно закурил, стряхивая пепел в раковину прямо на грязную посуду.

Рутра отошел к окну и, встав рядом с Муном, молча задумчиво уставился вдаль.

– Новенькая? – спросил он, заметив, что я с интересом рассматриваю его. И, видимо, оценив мой неформальный прикид, горько усмехнулся: – Еще не успела толком подрасти, а уже ставишь на себя клеймо.

– В смысле? – не поняла я.

– В том смысле, что твой вид явно говорит об одном: спроси тебя, например, о музыкальных вкусах, и в ответ услышишь: «Ненавижу попсу! Ненавижу рэп! Ненавижу регги!» Ведь так?

Я смущенно пожала плечами, поймав себя на мысли, что именно это бы я и ответила. Ведь я действительно все это терпеть не могу! Даже б продолжила этот список. Сама-то слушаю только тяжелый рок.

– Такое ощущение, – продолжал Рутра, – будто люди чаще всего объединяются по интересам вовсе не для того, чтобы, например, вместе любить музыку, живопись, спорт, науку, а для того, чтобы дружно ненавидеть всех тех, кто предпочитает не то, что любят они. Вот и эти туда же.

Он нервно кивнул назад, в сторону сидящих за столом приятелей и нервно дымившего Ганса:

– Разве для того я с таким трудом собирал их вместе? Что-

бы они глотки друг другу грызли?

– Их собрали вы? – удивилась я.

– Именно. Я годами разыскивал их, знакомил, создавал общество. Где б они сейчас были и чем занимались, если б не я? Еще пару-тройку лет назад большинство из них прятались по подвалам изгоями-одиночками. И не удивительно: люди боятся того, что они иные, даже не представляя, какие блага так называемые вампиры способны принести человечеству. Я это понял. Именно потому сначала изменился сам, а затем передал этот дар другим.

– Дар? – хмыкнула я. – По мне, так это проклятие.

– Да ну? – Рутра окинул меня насмешливым взглядом. – Объясните, юная госпожа, что в этом плохого? Изменившись, вы обрели нечеловеческую силу, способность мгновенно заживлять раны, бессмертие и многое другое. Разве ж это плохо?

Я не ответила, лишь пожала плечами. Не могла же я сказать, что сама всего этого вовсе не обрела, что я всего лишь самозванка, которую тут почему-то приняли за свою. Но Рутра и не ждал ответа. Он оказался из тех, для кого лучший собеседник – он сам, из тех, кто любит порассуждать вслух. И он продолжал, словно профессор на лекции:

– Это – удивительный феномен, который нужно исследовать, а ни бежать от него, крестясь, как суеверные старухи. И уж тем более не размахивать осиновыми кольями! Даже те крохи знаний, что я почерпнул за последние годы, изучая

природу этого удивительного явления, дали просто колоссальные результаты! Это ли не подарок для человечества?

– Не слишком ли высока цена: обрести все это, взамен на то, чтобы стать...

Я едва не сказала «службой Сатаны», но вовремя спохватилась, вспомнив, с кем разговариваю. Потому смущенно добавила:

– Такими, как мы?

Но Рутра догадался, что именно едва не сорвалось у меня с языка. Глянул на меня, невесело усмехнулся:

– Ох уж эти предрассудки... Именно они, эти варвары, те, кто думает точно также, два года назад ворвались в мою лабораторию и разгромили ее, уничтожив все труды, даже не вникнув в их суть. Но я знаю одно: не предрассудки, а наука испокон веков делала человечество лучше. Скажем, если придет чума, как поступит святой отец? Станет молить Небеса, прося избавить мир от напасти! Или какой-нибудь деревенский колдун нарисует вокруг дома магический круг с таинственными письменами, и будет надеяться, что тот защитит его от мора. Ученый же постарается понять причины болезни и придумать лекарство. И кто, по-вашему, спасет мир? Пусть священники молят высшие силы, а колдуны пляшут с бубнами – это их право, не мне их судить. Однако именно наука, а ни чародейство и Божья благодать избавили человечество от большинства недугов.

– Вы говорите о болезнях тела. А как же душа? – осторож-

но спросила я.

– Повторяю, я – ученый, а ни маг или священник, – вздохнул Рутра. – Я верю в силу науки и вижу результаты, которые она дает. А какой толк от заклинаний и молитв?

– Ну, случаются ведь порой чудеса! Их описывали многие очевидцы...

– Для вас, может, и чудеса. Для меня же: физические, биологические или психологические процессы. Ну или просто совпадения. К примеру, ударила молния в человека. Вы скажете: «Кара Господня», а я: «Случайность, пусть и с чрезвычайно малой вероятностью». Замироточила икона? Вы скажете: «Божье чудо», я: «Из-за определенных условий влажности и температуры на древесине выступила смола». Человек помолился и излечился от болезни? Вы скажете: «Помог ангел-хранитель», я: «Помогла медицина либо иммунитет организма». Увидел Богородицу? Для вас – чудесное проявление высших сил, для меня – галлюцинация.

– Ну, не все же объясняет наука...

– Абсолютно все! И если пока какие-то явления нам непонятны, это лишь означает, что ученые еще не докопались до сути. Нужно искать ответы, и они обязательно найдутся. Ну и очистить разум от предрассудков, которые лишь мешают познанию истины.

– Именно для этого вы решили стать таким? Чтобы найти ответы?

– Можно сколько угодно выдвигать теорий, но лишь прак-

тика способна подтвердить, насколько они верны. Нельзя исследовать дно, сидя на берегу, для этого придется войти в воду и нырнуть. Я нырнул.

– Ну хорошо, вы превратили себя в... – Чуть не сказала «чудовище», – в это существо, чтобы исследовать, как вы выражаетесь, удивительное явление. А другие? Не понимаю, как человек может добровольно согласиться стать вампиром!

– Некоторых привлекают способности, которые дает мутация. Но чаще всего причиной становилась угроза смерти, например, рак. Изменившись, человек полностью исцеляется. Лично мне удалось спасти таким образом немало жизней.

– А эти больные знали о том, в кого их собираются превратить?

– Конечно! Я никогда никого не обманывал. Сразу объяснял, что именно собираюсь с ними сделать.

– И соглашались? – поразила я.

– Взгляни на это так: с одной стороны – мучительная и неминуемая смерть, с другой – исцеление и вечная жизнь. По-моему, выбор очевиден. Еще б не соглашались!.. Вот, Денис Мун яркий тому пример.

Стоящий у окошка парень вздрогнул при упоминании его имени, хмуро глянул на Рутру, но промолчал. Снова уставился на луну.

– Этот парень был практически в могиле в тот момент, когда я вдохнул в него новую жизнь, – гордо заявил Рутра. –

Из-за аварии у него были травмы несовместимые с жизнью. Не обрати я его, он не дожил бы до приезда скорой.

«Да уж, по мне, так маловато повода для гордости, учитывая состояние пациента», – подумала я, рассматривая напоминающего шизофреника Муна. Я не сказала этого вслух, но Рутра словно прочел все по моему лицу, так как нехотя пояснил:

– Ну да, далеко не для всех трансформация происходит безболезненно. Ведь это – серьезный психический стресс. Мун, к сожалению, за два года так и не оправился. Хотя я все же надеюсь на улучшения в будущем... Но зато есть уйма других примеров! Ганс, Лиля, Зевс, Десад – тоже мои бывшие пациенты. Когда-то все они были обреченными, ожидающими неминуемой смерти. Но благодаря трансформации вместо смерти они обрели вечную жизнь. Разве это того не стоит? Но я смотрю глубже, в будущее! – все распаялся Рутра, словно он стоял не на грязной кухне, а на трибуне, и слушала его ученая коллегия, а вовсе не мрачного вида школьница. – Только представь себе вечных Эйнштейнов, Пушкиных, Бахов, Колумбов!.. Именно об этом я мечтал, создавая это общество – общество бессмертных!

– Ага, а получил вечных ублюдков-нациков вроде упомянутых Зевса и Десада, – перебил его хрипловатый голос Ганса, который, покуривая, прислушивался к нашему разговору.

– Ну да, тут он прав, – помрачнел Рутра. – Я действительно рисую себе утопические картины, как, обретя веч-

ность, люди станут тысячелетиями трудиться на благо человечества, создавать шедевры, делать научные открытия, покорять космос, строить процветающую цивилизацию. А что получил в итоге?..

Он покачал головой:

– Прошло всего пять лет с той поры, как я изменился сам и начал создавать себе подобных, а также разыскивать и собирать вместе других, кто стал иным без моего вмешательства. Пять лет! А они уже ненавидят друг друга лютой ненавистью. Впрочем, мог бы сам догадаться, к чему все придет. Ведь, как ни крути, они всего лишь люди. Пусть и изменившиеся физиологически, но в душе прежние. А люди испокон веков быстрее приобретают врагов, чем друзей, скорее берутся за оружие, нежели за кисть или карандаш. Чего бы человек ни коснулся, все оборачивается в его руках источником зла. По идее, религии должны духовно воспитывать, расы и государства – объединять народы, идеологии – направлять общество, увлечения – вызывать желание к творчеству и прогрессу. Однако рано или поздно все это приводит лишь к одному – к ненависти! Люди дерутся из-за того, во что верить, что слушать, кого любить, под чьими знаменами идти, из-за цвета кожи, половой ориентации и места рождения. А теперь переложи все, что я только что сказал, на общество бессмертных. Представляешь, каких масштабов может достигнуть вечная ненависть?

Рутра снова покосился на Ганса:

– Впрочем, не думаю, что это продлится вечность. Вражда обычно заканчивается одним – кровопролитием. Не сейчас, так позже именно это их и погубит.

– Не все так плохо, дружище, – попытался подбодрить его Ганс. – Вот избавимся от некоторых персонажей, которые мутят воду в тусовке, и драться ни с кем больше не придется. Заживем мирной бессмертной жизнью.

– Ты сам-то в это веришь? – горько усмехнулся Рутра. – Вот лично я – нет. Избавитесь от Зевса и ему подобных, так передеретесь между собой. Поверь мне на слово.

– Это мы еще посмотрим, – Ганс щелчком отправил окурок в раковину и уселся за стол, потирая свои волосатые ручки: – Ну что, друзья, вечеринка продолжается! Эй, Марта, ну этого ворчуна! Айда к нам!

Я пошла за стол, оставив задумчивого Рутру у окна, нашла свободную табуретку, села. Сама же все думала о сказанных им словах: «Что, если он прав? Что, если наша борьба с вампирами – охота на ведьм средневековой инквизиции, когда на кострах горели те, благодаря которым мы сейчас имеем телефоны, машины, летаем в космос... Мы истребляем их за то, что считаем слугами Сатаны. А что, если он прав и разбираться в этом нужно ученым, а ни священникам?» Да и вообще, меня поразило, что эти существа вообще задумываются о таких вещах. Я-то всегда считала вампиров бездушными чудовищами, которых волнует лишь жажда крови. А тут на тебе: наука, религия, социальные проблемы, вера в луч-

шую жизнь. Как-то это все не вяжется с нашими представлениями. Быть может, нам следует получше узнать их?..

Между тем, обитатели вампирского логова все больше пробуждались. Кто-то принялся за готовку еды, кто-то ушел из дома, кто-то пришел. В итоге откуда-то, как обычно, взялся алкоголь, и все уселись за общим столом. Пили пиво, травили анекдоты, пели песни под гитару. Причем я отметила про себя, что пели то же самое, что обычно и поют на прокуренных кухнях. К середине ночи я вообще позабыла, в чьей компании нахожусь. А потом... Ну дерни меня за язык спросить у Чана, что значит татуировка у него на плече.

– Да язычник хренов! – с усмешкой прокомментировал парень с выкрашенными в черный цвет волосами, которого все называли Лютый.

– Эй ты! Нашелся мне христианин, – приподнялся Чан. – Ты когда в последний раз в свою церковь-то ходил, а?

– Церковь?!.. – переспросила я шепотом у Салюта.

– Да, у них там что-то типа храма поклонения Лилит, – также шепотом ответил тот. – По легенде, она была первой женой Адама. Христиане верят, что именно от ее связи с Каином появились такие, как мы. По мне, так все это хрень. Но многим просто необходимо верить в какие-то Высшие силы, как бы они не назывались...

– Тебе какое дело? – проревел Лютый. – Когда надо, тогда и ходил. Поклоняешься своему Яме, так и молчи!

К спору между тем подключился Ганс и заявил, что он бы

вообще и тех, и других отправил в царство Хель.

– Мальчики, не ссорьтесь! – вмешалась Лила. – Все равно никто из вас не врубается в истину...

– Ты вообще помалкивай, пока я не успокоил! – зло огрызнулся Лютый.

– А ты попробуй, успокой! – Лила вскочила, глаза ее полыхнули огнем, а между кроваво-красными губами сверкнули белизной два острых клыка.

Вскочил и Лютый с яростным хрипом, его свирепое лицо стало землисто-серым. В буквальном смысле этой фразы.

Я так и остолбенела от этой сцены, вдруг вспомнив, где и среди кого нахожусь. «Чего б я там сама себе не понавыдумывала, они все-таки чудовища! – подумала я, я ужасом глядя, как сжимаются кулаки и наливаются кровью глаза остальных участников вечерники монстров. – Ну, сейчас начнется!..» И уже прикидывала, куда бы спрятаться, чтобы не попасть под раздачу...

– Да идите вы к черту! – в сердцах вскричал Рутра и убежал из кухни.

Раздался хлопок входной двери.

Народ сразу как-то успокоился, стыдливо заерзал на табуретках. Лила и Лютый опустились на места, хотя по-прежнему злобно поглядывая друг на друга. Мне же стало ясно, что лишь присутствие в этой квартире Рутры, его авторитет, сдерживают ее вспыльчивых обитателей. Если б не он, они давно бы перегрызлись, как свора собак. Да и я хороша, уж

лучше сидеть и помалкивать. Какую тему у них ни затронь, везде какие-то конфликты. Прямо как люди!..

– Слушай, – обратилась я к Салюту, когда мы возвращались обратно, – честно говоря, когда ты сказал, что они другие, я думала увидеть там в основном народ разных национальностей.

– Да ну, – махнул тот рукой, – Большинство – такие же славяне, как и мы с тобой. Просто они считают вампиризм и оборотничество скорее философией. То есть, перекинувшись, человек сам выбирает, в каком виде он будет жить. Да ладно, забей ты на эти споры. Наш народ кровью не пои, только дай поспорить...

– Салют, – решила я наконец задать давно мучивший меня вопрос, – а есть среди вас те, которые... убивают?

– Знаешь, психов и маньяков хватает в любом обществе. И у нас встречаются, конечно. Да только те, кто свихнулся, долго не живут. Обычно их довольно быстро вычисляют и ловят, причем свои же. Кому охота жить рядом с маньяком? Так что все как у людей. Те, кто хочет жить в обществе, стараются вести себя мирно. Думаешь, долго бы просуществовал тот флэт, где мы только что были, если б его обитатели стали клыки пачкать? Причем если маньяку-человеку можно хотя бы попасть в тюрьму, то представь, каково угодить туда нам. Не пережили б и первого рассвета! Так что Зевс тебе правильно сказал: есть много других более безопасных способов добыть кровь. Ну а что, выживать-то как-

то надо! В общем, власти для нас не помеха, мы с ними почти не конфликтуем. Гораздо большая проблема – охотники.

Салют заметил, как меня передернуло при этих словах. Он, видимо, расценил это по-своему и подбодрил:

– Не бойся. Они редко находят наших. Мы осторожные. А вообще, ну их, эти темы. Поживешь среди нас подольше – сама все поймешь. Хочешь, я тебе лучше расскажу, как мы с Ночкой познакомились?

– Расскажи! – воскликнула я, радуясь, что разговор можно пустить в другое русло.

– Короче, иду я как-то по городу. Жрать охота... А тут навстречу она. Я сразу прикинул: девочка что надо! В общем, она в переулочек – и я туда же. Идем, значит, неподалеку. А она все на меня поглядывает и улыбается. Я думаю: ну, точно мое упыриное воздействие сработало! Знаешь, есть у некоторых из наших такая тема – что-то вроде гипноза. Очень помогает в поисках пропитания... Догоняю ее, мол, девушка, можно с вами познакомиться? Разговорились: привет-привет, все такое... И вот заходим мы в какую-то подворотню. Фонарей нет. Я ее приобнимаю. Она не против. Кладет мне руки на плечи. Думаю: «Отлично! Она моя!» И только я ее в шею кусать, как чувствую, а она мне уже артерию надкусила! Прикинь! Мы с ней друг друга заохотили! Оказалось, она недавно в город приехала. До этого жила в Старогербе, а где-то с год назад ее обратил какой-то залетный упырь-автостопщик. С той поры она скиталась, пока не узнала, что

в Погорске есть общество ей подобных. Вот и приехала, решила присоединиться. Да только в тусовке нашей еще никого не знала, потому и вышел такой конфуз.

Я шла, слушала, с каким восторгом он все это рассказывает, и думала о том, насколько он ее любит. Не каждый человек порой способен так любить другого человека, как любит этот монстр другого монстра. Да и монстры ли они в таком случае? Разве монстры способны любить?

Салют остановился у какой-то пятиэтажки.

– Ну вот, – сказал он. – Тут мы с Ночкой и живем. Лермонтова, дом десять, квартира два. Забегай в гости. Может, сейчас зайдешь? Ночка будет рада.

– Нет, – мотнула я головой. – Я лучше к Зевсу и компании вернусь.

На этот раз к месту встречи я шла не так уверенно, как прежде. «Они всего лишь кровососы, – убеждала я себя. – Я выполняю благую миссию!» Да только теперь меня не покидали сомнения, что я делаю что-то не так...

Магистр снова ждал меня, сидя за столом на кухне. Голос его звучал как обычно ласково и спокойно:

– Чего так долго, дитя мое? Мы уже начали беспокоиться. Все хорошо?

И сразу перешел к делу:

– Ну, что тебе удалось узнать? Много у них притонов?

Я вкратце рассказала, где была и что видела.

– Можешь сказать хотя бы примерное число их квартир?

– Нет конечно! Я побывала в двух, но по разговорам поняла, что их не счесть.

– Вот расплодилось-то бесовское отродье... – Отец Пейн нервно забарабанил пальцами по столу. – Расскажи, что еще узнала? Есть ли у них какие-нибудь слабости, хоть что-то, что может быть нам полезно?

Я пожалала плечами:

– Разве что они очень сильно враждуют между собой.

– В чем именно?

– Во всяком: религия, политика, чистота крови. Одни, к примеру, считают, что русские могут называться только упырями, другие же утверждают, что все это не важно, мол, то, как вампир выглядит, – это состояние... (я чуть не сказала «души», но запнулась). В общем, по этому поводу у них постоянные стычки. Дело едва ли не доходит до драки.

– То, что враг враждует, это хорошо. Раз грызутся между собой – нам меньше работы.

Отец Пейн какое-то время размышлял, прохаживаясь по кухне.

– Ты упомянула, что среди них есть одно чудовище, которое никак не может определиться к какой из стай примкнуть.

– Салют, – кивнула я. – Он общается и с теми, и с этими...

А что?

– Да так, есть одна идея, – Магистр задумчиво глянул на меня. – Ты запомнила, где он живет?

Я почувствовала, как у меня бешено заколотилось сердце.

Заметив мои сомнения, отец Пейн сказал:

– Чего молчишь? Тебе ничто не угрожает. Ты узнала достаточно, больше тебе не придется к ним возвращаться. Ты – молодец! Или... – Он насторожился: – дело в другом? Быть может, ты уже запятнала себя?..

Я почувствовала, как меня пронзает острый, словно стилет, взгляд. Я всегда боялась, когда он так начинал смотреть. Дрожащей рукой достала крестик и приложила к щеке.

– Я говорю сейчас не о чистоте тела, а о чистоте души, – Голос магистра был холоден и тверд словно сталь. – А это гораздо больший грех. Если ты станешь сочувствовать слугам Дьявола, тем самым ты сама продашь ему душу!

Я молчала. Отец Пейн подошел и обнял меня.

– Не веришь мне – верь Богу, – прошептал он, по-отечески прижимая меня к груди. – Господь всегда рядом с тобой и не оставит рабу свою. Но ты ведь не сможешь лгать перед лицом Бога?..

– Лермонтова, дом десять, квартира два, – тихо вымолвила я и ощутила, как какая-то жизненная струна лопнула в моей груди. – Там живут парень с девушкой...

– Мерзкие твари! – сердито оборвал магистр. – Это – не люди! Помни об этом всегда. Они только выглядят как мы, а на самом деле – это сплошное притворство и лицемерие, каким наделил их лукавый. Да не введет во искушение... Но ты молодец, справилась.

Он взял меня за руку, и я ощутила в ладони тяжесть ку-

пюр.

– Вот, прими это. Мы собрали с прихожан на благое дело. Тебе это понадобится. Сейчас тебе лучше уехать из города. Хотя бы на какое-то время. На случай, если что-то пойдет не по плану, и они решат отомстить. Монстры ведь знают тебя в лицо.

Он проводил меня до двери, но на пороге еще раз обнял.

– Дух Братства Света всегда с тобой!

Впервые за все то время, что я пробыла в Ордене, мне послышалась в этих словах какая-то фальшь. На этот раз я не ощутила того тепла и чувства безопасности, какое получала весь последний год, с тех пор как покинутая всеми впервые пришла в Братство Света. А главное, я не ощутила в них справедливости.

Всю ночь я бродила по улице одна, размышляя, какой резон нам преследовать их. Древние страхи? Так за века эти существа приспособились к современному обществу настолько, что люди давно их записали в фольклор. Никто уже по-настоящему не боится вампиров, ведь нельзя бояться того, чего «не бывает»! То, что они периодически устраивают гоппостоп проходим? Так этим занимаются и немало людей. Да и вообще, это уже из разряда правопорядка и больше забота милиции и закона, перед которым все равны. Неважно, человек ты или вампир – статья одна. А если сбудется мечта Рутры и общество узаконит вампиров, так тем и вовсе не придется добывать кровь в темных переулках. Но нам-то, охот-

никам, какой резон? Из-за того, что они «слуги Дьявола»? Признаться, от такой формулировки веет какой-то средневековой дикостью. Со мной-то все ясно: интерес тинейджера, наслушалась баек из склепа, привлекает адреналин приключений, да и как пафосно звучит – охотница на вампиров!.. Я прокручивала в голове все те аргументы, что за последний год слышала от магистра Братства Света, и ни один из них не выдерживал критики. Какой нам резон их уничтожать?

Не знаю почему, но под утро я вернулась в упыриную квартиру. Я понимала, что теперь для меня это – смертельно опасно. Будто наказывала себя за предательство.

– Ну, как дела? – весело спросил Зевс.

Я молча положила на стол деньги, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Ого! – воскликнул Зевс. – Небось, какого-то крутого зацепила. Он хоть живой остался? А то нам лишнего палева не надо...

Я не ответила. Ушла в комнату и легла на матрац. Отвернувшись к стенке, я чувствовала, как слезы сами собой бегут по щекам. И сколько я ни пыталась переубедить себя, меня не покидало чувство, что я предала. Я слышала, что в комнату постоянно кто-то заходит, о чем-то говорят, но продолжала лежать лицом к стене, делая вид, что сплю, и пролежала так несколько часов. К обеду я все же заснула.

Разбудил меня какой-то шум. Спросонья я сначала не поняла, что происходит. Встала. Был уже глубокий вечер.

С кухни раздавался громкий спор. Я прислушалась, и сердце мое обмерло. Все то же чувство предательства нахлынуло еще с большей силой.

В комнату вошел Черный.

– Проснулась? – сказал он траурным голосом.

– Что случилось? – спросила я, стараясь говорить как можно спокойнее. Хотя уже знала ответ.

– Салют и Ночка. Их убили! Причем жестоко. Приковали к батарее, сорвали шторы и оставили ждать рассвета. Они медленно сгорели заживо! – Голос Черного срывался.

Я опустила голову.

В комнату вбежал Зевс.

– Вот уроды! – вопил он громовым голосом. – Теперь они за все получат!

– Кто? – Неужели они знают о то, что это сделал Орден?

– Кто-кто... Эти ублюдки! Унтервампы вонючие! Недоделки херовы! Я давно говорил, мочить их надо! А Салют все за них заступался...

– Так ты думаешь, что это... – поразились я.

– А кто же еще? Там на стене было написано: «Вопрос крови»! Понимаешь? Они-то знали, что Салют с нами тусуется, а мы ратуем за чистоту расы! Они нас вызывают! Они войны хотят! – Зевс в ярости колотил кулаками по стенам. – Стрелу они нам набивают!..

– Там еще записка была: «Карьеры, полночь», – пояснил Черный. – Это вызов!

Хлопнула входная дверь, и вскоре появился Десад с огромным свертком в руках. Он положил его на пол, и оттуда высыпалась охапка обрезков арматуры.

– Я наших всех оббежал, – сообщил он. – В полдвенадцатого стыкуемся на окраине города у гаражей. Обещали все подтянуться.

Я бежала что было сил, едва не сшибая прохожих. У знакомого дома перевела дух и с ужасом обнаружила у подъезда огромную толпу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.